

Советская Культура

Еженедельная газета • ОБЩЕСТВО • ИСКУССТВО • ЧЕЛОВЕК • Основана в ноябре 1929 г.

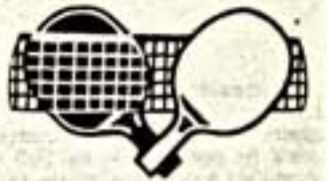
№47
(6771)

24 ноября
1990 года

Цена 15 коп.

«СК» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

МЯЧИК —
НАЛЕВО,
МЯЧИК —
НАПРАВО

Андрей Мазунов — призер «СК». Завершила IX Международный турнир по настольному теннису на приз нашей газеты.

2 страница

МЫСЛИ С ПОХМЕЛЯ

Новая статья Станислава Говорухина, которая вызовет новые споры.

3 страница

К СИЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Стабилизируют ли реформы исполнительной власти положение в стране? Насколько бесспорны предложения Президента по нормализации межпарламентских отношений? Каковы механизмы реализации данных предложений? Об этом размышляют народные депутаты СССР, деятели культуры, ученые.

Михаил Ульянов

Сейчас в реалии уже трудно верить, а сожалению. В репли выполнении. По простой причине: много пожеланий и мало действий. Этот разрыв между желанными и действительными привнесением доверия. Мне кажется, что все президентские пункты должны были прозвучать не сегодня, а вчера. А сегодня они должны были бы уже выполняться. Так жизнь диктует — индустрия уже от этого не деться.

Конечно, лучше поздно, чем никогда — есть такая народная мудрость. Наверное, есть большой смысл в том, что именно сегодня Президентом высказаны такие конкретные, вызывающие много вопросов, пункты программы. Собственно, это даже не программа. По существу говоря, это декларация, что ли — заявление: «Иду на Вы». И этого ждал народ от Президента.

Я хотел бы и хочу, чтобы все заявленные пункты начали сегодня же исполняться — действительно как-то стало страшно жить. Страшно то, что нет силы остановить матчи под корызонок нашего государства. Он может перевернуться.

Все об этом говорят, но вот парадокс в том, что об этом стали говорить так просто и так каждодневно, что вроде бы уже привыкли к мысли о крахе: ну что ж поделать — это в истории бывает. Чтобы остановить этот процесс, нужна власть, но справедливая, добрая рука; не убавляющая, а подымающая.

У нас распались взаимоотно-

ветственность, взаимоподдержка многих институтов нашего государства. У нас уже не лебеди, рак и щука, а бог знает кто и в какую сторону танет. Все рвануло куда-то, а воз не только там, где был, — он все глубже погрузится. Поэтому консолидация, или, как заявил на встрече с деятелями культуры М. С. Горбачев, гражданское единение действительно необходимо сейчас. Но не ради всеобщего умиротворения, в ради борьбы с теми проблемами, которые нас сейчас съедают: коррупция, мафия, «болезнь правых», желание вернуть все на круги своя, развал экономики, развал нравственности. Чуждою нам преступность, но и безответственность тоже чудовищна. Возникла опасность голода. Нам нужно действительно объединиться, чтобы не умереть! Уже слишком раскалили мы эту гигантскую лоуду, именуемую СССР.

Сегодня надо, в считаю, прежде всего корнить людей и наводить порядок. Это первый вопрос. Надо остановить преступность, то есть страх, и не допустить голода. Сложность заключается в том, что сегодня силой ничего не решишь. Охриком и железной волей ничего не сделаешь. Только единством и осмысленным сообществом.

В общах, сейчас, конечно, положение у Президента архисложное. Но единственная у него возможность — наводить порядок и корнить людей. Любым способом. Народу все равно, каким. Необходимо, конечно, жестко реализовать эти восемь пунктов. Ну а дальше — продолжать работу.

Дату, когда главы 35 государств собрались в Париже на Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, и дату его завершения отдала друг от друга три дня и целая эпоха. Закончилась сорванная конференция двух сверхсоюзных блоков, разделивших Европу на два враждующих лагера.

Алексей Яблоков

17 ноября мы впервые услышали настоящей главы исполнительной власти. С конкретными предложениями по улучшению социально-экономической обстановки в стране. С твердым намерением жестко следовать провозглашенному курсу. Впрямую было сказано о необходимости реорганизации правительства, формирования четкие мероприятия по укреплению производственных органов, наметены пути

выхода из кризиса с продоволь-

ствием. По моему мнению, Президент допустил в своем выступлении одну крупную стратегическую ошибку. Он не отделил за день до него. Напомним, на четырнадцать выступлений представителей союзных республик, двенадцать — кто-то в более резкой форме, кто-то в смягченной — выразили солидарность и поддержку союзности и подписанию союзного договора.

Я убежден: ни стои сегодня форсировать подписание Союзного договора. Нужно срочно заключить систему соглашений об экономическом сотрудниче-

стве, по вопросам обороны, государственной безопасности, экологии. Необходимо изменить характер центральной власти, она должна быть не директивно-управляющей, какой она является сегодня, а координационной.

В последнее время мы постоянно говорим о конфронтации между союзными и республиканскими парламентами. Говорим об обострении. Вот сейчас грядет ротация Верховного Совета СССР. Надо обратиться к Верховным Советам республик с просьбой принять участие в этой ротации. Пусть они направляют в Верховный Совет народных депутаты СССР, кото-

рым делегируют свои права. Тогда законы, принятые союзным парламентом, будут отвечать интересам республики.

Что же касается создания коалиционного правительства, то, на мой взгляд, его нельзя строить по национально-территориальному принципу. Сколько же должно быть министров, чтобы их возглавляли представители всех республик. Я за коалиционное правительство, сформированное по политическому признаку. Его состав должен отразить существующую политическую структуру общества.

Ирина Архипова

Исключительно важным является слова Президента об обновлении и создании Союза на основе гражданского согласия, мира, стабильности и взаимного сотрудничества. Нельзя резать по живому. Нельзя развать веками складывавшиеся связи, благотворные традиции.

Тем более справедливым представляется этот вывод, когда обращаемся к вековой мудрости человечества, запечатленной в культуре. Жаль только, что проблемы культуры, ее роль никак не обозначены в выступлениях.

Невынимание, даже безразличие к проблемам культуры в прежние годы да подчас и теперь — одна из основных причин кризисной ситуации в экономике, политике, экологии, международных отношениях.

Кризисная ситуация, увы, характерна и для музыкального искусства. В самые трудные времена оно выступало знаменем высокой нравственности, жизнеспособности общества, вывало богатство националь-

ной самобытности, сближало нации и народы.

Думается, что для обновления нашего общества необходимы и более эффективные совместные усилия творческих союзов и организаций.

Евгений Нестеренко

Эта программа говорит о том, что, однажды пересмотрев свою жизнь, однажды изменившись, мы не стали вновь постоянными, не застыли уже в новом качестве, но продолжаем изменяться. События развиваются стремительно. Каждый день приносит что-то новое и требует быстрой реакции. В сознании общества действительно произошли и происходят перемены. Мы стали способны на невообразимые отклики. Происходят они и в сознании Президента. Об этом свидетельствуют восемь пунктов его программы. Все они серьезные, обоснованные, разумные и необходимые. Их нельзя не выполнить, если мы на самом деле хотим, чтобы наступила нормальная жизнь. Все пункты в равной степени важны. Но особо я хотел остановиться на шестом.

Союз не должен быть раздроблен. На Руси издревле считалось — легче выстоять всем миром. Вот и нам надо всем миром справиться со своими бедами. Мы, артисты, художники, писатели на всех республиках, что бы ни случилось, никогда не почувствуем себя разобщенными. Слишком прочна духовная наша связь.

Но разве нет ее и у всех наших народов? Наш Союз крепко связан в один узел, в котором сплелись все — и хорошее, и плохое. И это не гордым узел, удара по которому, разрубив одним махом все его нити, можно решить задачу. Надо осторожно распутывать и отдавать плохое, а иречь податлива хорошему.

(Окончание на 8-й стр.)

НЕ УЧИТЕ ЖИТЬ, ЭДИЧКА!

Валентина Кондратьева — Эдварду Лихонину в статье «Может быть... обиделся»...

4 страница

ГРАЖДАНИН ОПЕРЫ

Гражданин США родом из СССР. Рассказ о встрече, о любви, о судьбе Игоря Чичаева, волею случая оказавшегося за рубежом.

11 страница

«Здесь воздух можно резать ножом»

БОЛЬНЫХ НЕ ЛЕЧИТЬ. ПРОДАВАТЫ О положении иностранных работников в Ираке глазами очевидца.

12-13

страницы

БЫТЬ ИСКРЕННИМ ПЕРЕД ВСЕМИ

Поэт Евгений Долматовский: «Константин Симонин исполнилось бы в эти дни 75 лет... На преле старое его товарище дошу прежде всего... рассказать об этом вискасле и человеке, сделать набросок его портрета на фоне времени».

15 страница

О причинах «суверенизации»

Ю. Михайлов, Москва:

— Не оттого ли сейчас такое повеление на суверенизацию, что часть нынешних ответственных политиков — просто-напросто обнаруживая тягу стать «первыми партиями...» жить на деревне, в которой один дом!...

О бланке объяснения для нарушителя дорожного движения

П. Ляля, пенсионер, Москва:

— Во 2-м отделе ГАИ мне пришлось заполнить бланк для объяснений, в котором среди прочего есть графа «причинность». Значит, при определенной степени виновности в дорожно-транспортном происшествии будет иметь значение — коммунист я или беспартийный!

Интересно, как эта графа сегодня влияет на определение виновности и кто виноват в дорожно-транспортном происшествии!

ЕСТЬ МНЕНИЕ!

О публикации «Майн кампф»

Т. Волынский, Киев:

— На так давно в программе «Время» главный редактор «Военно-исторического журнала» сообщил, что его изда-

ние в ближайшее время начнется публикацию глав из книги Гитлера «Майн кампф». Полагая, что без серьезного комментария публиковать эти главы нельзя. И хорошо было бы, если бы откровения фашистского главаря сопоставля-

лись с новейшими сочинениями Романенко и других ответственных поклонников нецизма, а также с высказываниями «деятелей» «Правды». Говорить о прошлом нужно устно и документально.

О доходах от издания классики

Е. Бурштейн, геолог, Москва:

— За спором о том, как спасать культуру, хорошо бы для начала ее не обременять. Одно из самых досадных занятий в нашей стране — издание массовыми тиражами классики литературы (наглядный пример — подлинное двухтомное издание «Правды» тиражом в 14 миллионов). Но ведь приравненную стоимость создали здесь не столько издательства, сколько не получающие гонимые Лермонтов, Достоевский, Дюма, Булгаков... Было бы справедливо законодательно закрепить порядок, при котором часть прибыли (равно как и от издания репродукций картин, памятных архитектуры и т. п.) передавалась бы на нужды культуры.

Рис. Ю. Самарина.

ПУТЬ ОДИН — СОГЛАСИЕ

В рамках Всесоюзной конференции демократических движений в КПСС провели заседание сторонники Демократической платформы (коммунист-реформаторы), платформы Демократического единства, Левый центр, группы «Молодые коммунисты», «Альтернатива». Сторонники Марксистской платформы в КПСС собрались на свою III Всесоюзную конференцию.

Сторонники Демплатформы в КПСС в первый день работы обсудили положение в стране, ситуацию в КПСС, задачи своего движения. Было подчеркнуто, что КПСС потеряла роль правящей партии, в то же время другие силы формируются как антикоммунистические. Из партии за десять месяцев этого года вышло 900 тысяч человек. Примечательно, что в анализе такого массового выхода из партии на конференции не превалировала идея самоочищения партийных рядов. А демократическое кры-

ло разобщено, и потому реакционные силы обиграют демократические, побеждая именно сплоченностью и организованностью. Первый день работы коммунист-реформаторы завершили декларацией создания Единого демократического движения коммунистов (ЕДДК), одобренного инициативного объединения сторонников демократического социализма, гуманизма, свободы, равенства, справедливости и солидарности». В принятом документе говорится о том, что ЕДДК будет добиваться превращения КПСС в государственную политическую партию левой ориентации.

Обсуждавшаяся на следующий день проблема «Молодежь и КПСС» не вызвала, как ни странно, большого интереса. Хотя этот и был выдвинут особ. В выступлениях говорилось об участии молодых коммунистов в выборах, о проведении конкретной работы на местах, в частности,

в школах, ибо престиж партии среди молодежи резко упал. Все эти вопросы нашли отражение в резолюции «О молодежной политике КПСС», принятой на заседании XXVIII съезда КПСС. Второй день объявили днем совместной работы. Но в повестке конференции провозглашены изменения, вызванные разногласиями среди сторонников Марксистской платформы по вопросу объединения действий с коммунистами-реформаторами. Было предложено три варианта: слияние движений, создание конфедерации и принятие решения о совместных действиях по тактическим вопросам. Первый вариант был отвергнут сразу, и большинство склонилось к третьему. Но сторонники создания конференции выдвинули ультимативное требование: либо принимают их вариант, либо они создают свой политический клуб в рамках Марксистской платформы. В результате было создано объединение «Марксизм-XXI», кото-

рое поставило своими задачами содействие трудящимся, борьбу за социалистические идеалы, марксистскую пропаганду, гуманизацию общества. На совместном заседании объединение обратилось к Демократическому движению коммунистов с просьбой принять его в свой состав. Просьба была удовлетворена.

На совместном заседании перед делегатами выступил секретарь ЦК КПСС В. Куликов. Он подчеркнул, что ЦК готов сотрудничать со всеми коммунистами, выполняющими решения XXVIII съезда. В заключение прозвучал призыв к сотрудничеству со всеми партиями и движениями, стоящими на социалистическом пути. В подтверждение готовности к этому в ЦК КПСС создан отдел законодательных инициатив и правовой работы, куда могут обращаться со своими идеями вновь созданные партии. В принятом конференцией совместном документе говорится: «противостоять дальнейшей дискредитации партии и ее самоуничтожению сегодня можно только на основе широкой инициативы самих коммунистов».

Т. МИХАЛЬСКАЯ.

НЕОЖИДАННЫЙ РАКУРС

В ОЖИДАНИИ НОВОГО БОРИСА

Перед тем как войти в театр, актер озябнул. Грохотало Садовое кольцо. Морозил предвещал полуснег-полудождь. Обозначенные люди занимали место в хозстах очереди.

Через несколько секунд дверь за ним захлопнулась. Пооди остался разговору о политике и рынке, о приватизации и кризисе культуры. Начнется Искусство.

Когда речь заходит об Алексее Петренко, о его ролях, сыгранных в кино и на сцене, то крайне редко возникают посторонние ассоциации. Это не в фильме того-то сыграл Петренко, не в таком-то театре, а это — СЫГРАЛ Петренко. Все. Такова сила его актерского темперамента, своего его натуре. Он по природе лидер.

Лидеры всегда остаются таковыми. В какой бы теоретической коллективе ни приходил Петренко, он становится его энергетическим центром, его зарядом. И вот теперь — Татьяна, роль Бориса Годунова — уже сложилась светлая. В театре со своим ярким, неповторимым вечерком. Петренко, что и приходом Петренко слегка стал друш. Что-то изменится и в образе самого театра.

Потом что-то, настрено, скажет, что его путь и Пушкину был закономерен. Поразмыслят о «русской теме», может быть, вспомнят Валентина Распутина в кинофильме «Агония» или недавнего Сатины в спектакле Пятигорского театра. Возможно, обнаружат закономерность и в приходе на Таланку. А другие все это называют случайностью...

Но все это будет потом. А пока репетиция еще не началась. Двери еще не закрылись за Актером. Он озябнул и поспорил на потог машины, на очереди, на нас... Будет ли все это в глазах чужа Бориса!

Фото А. Селиванова.

СТРАСТИ ВОКРУГ ВЛАСТИ

КТО ОСТАНЕТСЯ?

Верховный Совет СССР накануне ротации. Сама мысль о том, что в парламент страны могут влиться свежие силы и немалые — до 160 человек!

считают свою деятельность в парламенте результативной. Другие ссылаются на то, что совмещать основные должностные обязанности с работой в Верховном Совете очень трудно.

Но предложения о ротации могут повлиять члены комитетов Верховного Совета и комиссии его палат.

В. ДМИТРИЕВА.

ДОЖИВЕМ ДО ПОНЕДЕЛЬНИКА

Депутат Верховного Совета ССР Молдова Сафонов за прошлую неделю лишился часов и удостоверения.

Странно, но этот же урок попытался ему преподать, теперь уже в зале заседаний сессии, министр внутренних дел республики Косташ.

Увы, и парламент Молдовы уже не первый раз пытается ввести в республике еще один дефицит — дефицит на гласность.

В итоге остались в стороне и те и те истинные виновники в разжигании

националистических страстей и шабана на улицах Кишинева.

Ассоциация «Собор» (объединение журналистов, работающих в центральных изданиях) выразила протест по поводу такой тенденциозной оценки их деятельности и опубликовала его на полосе республиканского партийного издания «Советская Молдова».

Советская комиссия молдавских парламентариев под руководством первого секретаря ЦК КП Молдовы Петра Лучинского продолжает свою деятельность по миротворческой задаче.

«Он был поклонником артиста еще с музыкального училища. Лет десять назад, уже приняв в хор Ленинградского театра оперы и балета им. Кирова, отправился ко времени отъезда прощаться к месту, где вырос Сергей Яковлевич.

В. ЛЕТОВ. (Наш соб. корр.)

А У НАС МОЛОКОВОЗ...

Событием исторической важности назвала ведущая страны заочный 19 ноября в Киеве договор между Украинской ССР и Российской Федерации, подписанный Председателем Верховного Совета РСФСР Л. Крайнуком и Председателем Верховного Совета РСФСР В. Ельциным.

Баюки, как подчеркивали на пресс-конференции в Киеве председатели двух парламентов, что этот договор не продиктован обидой республикам с обеих сторон.

Стороны приняли и необходимость сделать совместное заявление Верховному Совету СССР о том, чтобы он официально признал декларацию РСФСР и СССР о Нехода из этого договора.

Уже во вторник перед началом второй недели работы республиканского парламента, на площади перед его зданием можно было видеть десятки лозунгов и транспарантов, поддерживающих идеи договора.

обоз «вещественных доказательств» приверженности к этому доброму делу доставили к стенам расположенного неподалеку от парламента завода «Арсенал» им. В. И. Ленина черниговцы.

«Он был поклонником артиста еще с музыкального училища. Лет десять назад, уже приняв в хор Ленинградского театра оперы и балета им. Кирова, отправился ко времени отъезда прощаться к месту, где вырос Сергей Яковлевич.

22 ноября на утреннем заседании Верховного Совета УССР в числе первоочередных был рассмотрен вопрос о ратификации подписанного ранее договора между Российской Федерацией и Украиной «Протокол». Эту ратификацию Председателем Верховного Совета республики Л. Крайнуком слова — итог голосования республиканского парламента за ратификацию лозунге исторического документа — были встречены громом аплодисментов народных депутатов Украины и приветственными возгласами манифестантов, собравшихся у площади перед зданием Верховного Совета республики.

О. ГУСЕВ. (Наш соб. корр.)

РАМПА ОПЕРА НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

Грандиозный оперный фестиваль должен состояться этим летом и именно на главной площади столицы.

Предполагается, что четыре раза покатит «Бориса Годунова» в постановке Андрея Тарковского Ленинградский театр имени Кирова, четыре раза — «Хованшину», поставленную Борисом Покровским, театр «Эстония», а завершат фестиваль два концерта.

Н. ПЕТРОВА.

ПЕНАТЫ ХРАНИТЕЛЬ «ЧУДНОГО ПРИВОЛЬЯ»

Виктор Васильев теперь может вздохнуть свободно: музей С. Я. Лемешева обрел наконец постоянный адрес.

«Он был поклонником артиста еще с музыкального училища. Лет десять назад, уже приняв в хор Ленинградского театра оперы и балета им. Кирова, отправился ко времени отъезда прощаться к месту, где вырос Сергей Яковлевич.

М. АМАЕВ.

СВЕТСКАЯ ЖИЗНЬ В ГОСТЯХ У ДЕ ГОЛЛЯ

Слова и музыка — непеременимые атрибуты этого чудесного уголка старой Москвы — рождаются образы, и ты уже полюбопытствуешь участии действа.

В минувшую среду в гостинице собрались люди, чтобы отметить знаменательную дату — столетие со дня рождения Шарля де Голля.

Неожиданным сюрпризом стало произведение «Ночь Пушкина» композитора Мориса Онема, написанное несколько дней назад под впечатлением от поездки в Ленинград.

«Мюзикнэтрэ» (художественный руководитель — Роберт Эрбедель) и русский ансамбль духовной музыки «Воскресенье» (хормейстер — Федор Троицкий).

РАМПА БАЛЕТ В КРЕМЛЕ

Сегодня появились новые группы, пожалуй, никого не удививши. И все-таки Театр балета в Кремлевском Дворце съездов был сразу же замечен публикой.

А. Петров стал инициатором создания творческого объединения «Мир искусства» в рамках ВПТО «Внеакадемическое искусство» СССР.

ЭРА МИЛОСЕРДИЯ БАРОМЕТР БЕДЫ

Объединить усилия советских и американских партнеров для оказания практической помощи советской столице и ее окрестностям — такова задача советско-американского фонда «Перестройка: Вашингтон — Москва».

КТО ЗАКАЗЫВАЕТ МУЗЫКУ?

В конце прошлого театрального сезона комиссия СД РСФСР рекомендовала закрыть городской Драматический театр в городе Армавире Нижегородской области.

ЧТОБ ЗАКРЫТЬ ПАЛАТУ № 6

130 лет назад в Таганроге родился мальчик, которого теперь знает весь мир, покоривший сердца художественным и человеческим талантом, — Антон Чехов.

Местные власти, между тем, приняли решение прямо противоположное: они предложили своему драматическому коллективу перейти на контрактную систему работы и на сезон 1990/91 г. выделяли муниципальную дотацию — более 200 тысяч рублей.

В последние время объявили о своем существовании несколько фондов, носящих имя Чехова и называющих себя международными (Москва, Ялта, Ленинград).

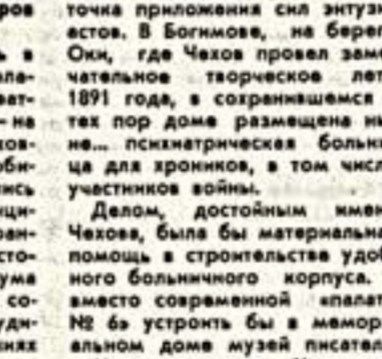
ЧЕХОНТЕ

Надо сказать, что новые городские власти Армавира очень последовательны в заботе о культуре своего города. Именно за счет местного бюджета решено приступить к восстановлению 33 черкаев и 4 монастырей.

М. ТАТЬЯНИНА. Армавир, Нижегородская область.

Мир, лишь одна, но важная точка приложения сил энтузиастов. В Богимове, на берегу Оки, где Чехов провел замечательное творческое лето 1891 года, в сохранившемся с тех пор доме размещена ныне психиатрическая больница для хроников, в том числе участников войны.

ОБЪЯВЛЕНИЯ РЕКЛАМА

БЫСТРОЕ ЧТЕНИЕ — ЭТО СПАСАТЕЛЬНЫЙ КРУГ В БУДУЩЕМ. ОБИЖАЮЩАЯ НАС ИНФОРМАЦИЯ СЕГОДНЯ ВАМ ПРЕДЛАГАЕТ ЕГО ВСЕСОЮЗНЫЙ ЦЕНТР ОБУЧЕНИЯ ТЕХНИКЕ БЫСТРОГО ЧТЕНИЯ!

Р. ДЖЕКСОН, президент Международного Чеховского общества, профессор русской литературы Ялльского университета (США).

РЕЖИССЕР ДМИТРИЙ ДОЛИНИН

нищет исполнителем главной мужской роли в новом фильме ПРИГЛАШАЮТСЯ профессиональные актеры, а также выпускники режиссерских факультетов и актеры-любители в возрасте тридцати-тридцати пяти лет, светлоглазые, небольшого (155—165 см) роста.

Фото, описание физических данных, список сыгранных ролей присылать по адресу: 197101, Ленинград, Кировский проспект, 10, «Ленфильм», режиссеру Д. Долинину.

Еврейской областной филарфонии социальных изобретений СССР ищет партнеров и спонсоров для реализации программы «Культурное наследие». Помощью возрождению и развитию еврейской культуры.

ПОЧЕМУ — «с похмелья»? Не только потому, что мысли эти сумбурны и не очень логичны, они в самом деле — с похмелья. Все мы недавно были свидетелями победы молодой демократии в нашей стране. На наших глазах рушилось здание опостылевшего режима. Потом присмотрелись — новое-то здание тоже растет кривая да вкось, вот-вот обвалится и погребет нас под своими обломками.

И НАСТУПИЛО отрезание. Я получаю довольно много писем от читателей, посетивших фильм «Так жить нельзя». Письма разные. В одних — проливают, в других — благодарят: «Вы открыли нам глаза...» и т. д. Ни те, ни другие письма не радуют. Открыть глаза... Да сегодня в пору закрыть их, чтобы не видеть всего того кошмара, который происходит.

Недавно юная девушка сказала мне с нескрываемой завистью: «Вы хоть хотите увидеть, как мы живем? Поглядите на нас!» Мимолетом брошенная реплика крепко задела меня. Вот те на! Нам-то, нашему поколению, всегда казалось, что жизнь у нас была украдена — провели мы ее во имя, в «социалистическом лагере». Но для поколения этой девочки, живущего среди полного распада, не мимолетно никак не оптимистическая перспектива, даже наша убогая жизнь кажется светлой и осмысленной.

предсказывать скорую гибель партии. У КПСС появились помощники. Как ни парадоксально — в образе оппозиционных партий.

В своем проекте «Как нам обустроить Россию» Александр Исаевич Солженицын приводит цитату из Тита Ливия. Солженицын — историк, он мог бы привести и более свежие примеры, но он цитирует Тита Ливия, жившего две тысячи лет назад. Как бы подсказывает: будьте осторожны, так было всегда! «Борьба между партиями, — пишет Тит Ливий, — есть и всегда будет гораздо худшая беда для народа, чем война, голод, мор или любая другая гнев Бога».

За год-два было создано более сотни новых партий. Теперь они начали грызться между собой. А методы борьбы за влияние, как и следовало ожидать, не всегда парламентские, не всегда нравственные. В Тбилиси, например, представители партий друг стреляли друг в друга. Все это люди видят и отмечают на ус: «Ну их всех и черту! Чем они лучше прежних? По крайней мере старый ковь бородачи не испортят».

Мы теперь жадно читаем историю. Как заключеному — пайку, так нам ежедневно выдается то одну страничку нашей многогральной истории, то другую. Опыт трех русских революций доказывает: крайне левые так же опасны для общества, как и крайне правые. И бесполодно призывая и согласно в демократическом стане — не первый раз он звучит, призыв и согласно и соблюдению чести. И никогда он не был услышан.

По аналогии с предыдущими рассуждениями можно предположить, что настало время, когда начнут подниматься на пьедесталы изверженных идолов. До памятников Ста-

Ковачко, Станислав Говорухин не первый человек в истории Отечества, которому пришла в голову мысль, что дальше «так жить нельзя».

С этим призывом обращались и современники интеллигенты разных поколений. В их идеях переустройства жизни могли быть ошибки, названия заблуждения, но в чем не откажешь обеспокоенным людям — так это в желании что-то изменить, что-то улучшить. И статьи Говорухина, и его фильм «Так жить нельзя» — все это средоточие боли автора за то, что с нами происходит.

Сегодняшняя публикация наверняка вызовет новые письма, новые споры. Собственно говоря, мы на это и рассчитываем. Еще проще сказать, что в споре рождается истина. Но пусть эта обветшалая, но верная мысль больше движет теми, кто принимает законы, вершит правосудие, составляет планы жизни государства. У газетной полемики другие задачи — вызвать самые разные мнения и довести их до тех, кто представляет мнение народа в органах власти.

И если последние будут действовать вместе с Президентом в духе его выступления на сессии Верховного Совета СССР и начнут реализовывать предложения по укреплению авторитетной демократической власти, то, как знать, может быть, и отпадет потребность в таких острых и спорных материалах.

А пока — Станислав Говорухин, «Мысли с похмелья», полемическая статья...

Не даром едят хлеб и ученые, дураков, придумали новую версию: «число преступлений растет, но темпы снижаются». Слыхали что-нибудь? И я — нет.

Опять убеждают нас американской статистикой — у них, мол, куда больше Чужь, конечно, но если бы даже и так — все равно наше положение намного горестнее. Ибо причины преступности у нас разные. Представьте, как мы залпом, когда к нам придут «их принципы» — например, наркотик так же свободен, как у них. Хорошо, что наша страна — страна Дефицита.

Смею предположить, что когда американское общество почувствует, что размах преступности достиг предела и с ней надо кончать, причем любыми средствами, оно ее прикончит. Потому что может уничтожить причину. Наше общество, какую бы беспощадную войну ни объявило преступности, справиться с ней не сможет. Так как не сможет уничтожить причину. А причина, грубо говоря, одна. Молодые граждане страны Советов малых лет видят чужими трудом прожитый хлеб.

Устранить эту главную причину мы не можем. По крайней мере в ближайшем десятилетии. Полагать, что преступность в ближайшие годы пойдет на убыль, у нас нет оснований. Смелее — наоборот. Выда, например, проведенная серьезная криминологическая экспертиза общества в условиях перехода к рынку? Нет? А на нет и суда нет. Значит, мы можем только гадать и предполагать самое худшее. Худшее же — уголовный террор.

Обуздать преступность, даже не обуздать это, пожалуй, уже невозможно, — но

сами повсюду говорите об этом, пугаете нас военной властью. Каждый из вас составил в уме примерно такое уравнение: страна не работает — значит голод — голодные бунты — армия как средство подавления — стало быть, сильная военная власть, военная диктатура.

Так что лучше? Власть какого-нибудь красноречивого генерала, адекватного Саддаму Хусейну российский разлив? Или же — власть человека, за которым можно добровольно пойти?

Да, я за сильную власть. Но не за власть узурпатора, канючий были все без исключения предыдущие наши прантели. Сильной властью может пользоваться только человек, облеченный доверием всего народа, за которым народ пойдет, поверит в него — поверит в то, что он никогда не перешагнет закон. Не похитит благополучия народа ради идеи, какой бы привлекательной она ему ни казалась, другими словами, готовый «опустить» свои принципы ради счастья и благополучия народа.

Но где этот человек? Столпники на нашем политическом горизонте что-то не видно. Даже не Столыпины, а просто заметных личностей, имеющих мужество держаться «средней линии общественного развития» (термин А. Солженицына). Есть крайне правые, смешные и страшные в своем намерении оживить то, что окончательно умерло и начало разлагаться, и есть крайне левые, которые тоже уже без тошноты слушать невозможно, способные заговорить все и вся, заболтать и похоронить любой процент и минимизировать способности пока не лжившие.

Казалось бы, чего проще — доверить Президенту

МЫСЛИ С ПОХМЕЛЬЯ

СОСТОЯНИЕ эйфории от завоеванных свобод, в котором пребывало общество, постепенно испарилось, мы оглянулись окрест и увидели — у всех добытых нами свобод какое-то на редкость отшатнутое мурло.

Чем, например, обернулась свобода творчества, за которую так боролся художник Сказкин, в кино.

Свободой халтуры, свободой безответственности.

А в литературе? «Адам трагичен Еву. Бог трагичен Деву Марию через дух». Это я цитирую новую книжку, написанную истинно-домой-писательницей (рецензия на нее была помещена в «Литгазете», сентябрь, 1990).

А чем обернулась свобода предпринимательства (ограничения, правда, убогая и урезанная)?

Свободой вандализма.

А гуманизация судов? Свободой безкавказности.

И так далее. Неуправляемость, чуть ли не анархия, страна не работает, преступность нагнет.

Солженицын писал: «среди всех свобод на первое место выйдет свобода бессовестности».

Напрягается внялод — глубокий и страшный. Народ вырывается в рабстве, в унижении, видимо, нельзя было давать демократию врозь. К демократии надо готовить. Во многих европейских странах, на которые мы сейчас киваем, этот процесс длился веками.

лику, может быть, дело и не дойдет, но недавно я видел на стене автомата... кого бы вы думали? Брежнев! Уф, но что ничтожно и никчемно, а и то... Заметили, стоит собраться в уютном месте и не за пустым столом, как обязательно кто-то заметит: «Как в хорошие застойные времена!»

Хотите серьезные примеры? Гейдар Алиев — разве мажор?

Все эти приметы времени говорят о том, что будущее молодой демократии совсем не безоблачно. Речь идет не о реставрации режима, этого не будет — перемены, которые произошли в стране, необратимы. А вот то, что миллионы поклонников демократии если не убегут в стан ее противников, то прарядятся в сторонних наблюдателей. — Неужели возможно? Где же собака зарыта, в чем дело? Не знаю, надо подумать. Может быть, стоит померить экстремистский пыл. Пока в стране такая напряженность.

Волюлю ли, незволюлю ли, но мы как бы выработали в народе условный рефлекс: чем больше свобод, тем хуже жизнь. Поглядеть даже далеко. Представьте, завтра кто выйдет на митинг и крикнет: «Требуем новых свобод!» Его же просто побьют. Как побьют Якова Свердлов рабочие фабрики «Савва Морозова сыновья» в 18-м году.

это вызывает уважение. И наоборот — многие бегут из партии только потому, что не хотят платить партийности — большие ведь деньги. Они как раз уважают не, вымывают. Вспомним также, как много людей вступили в партию из искренних побуждений. Обвинять их нельзя. Люди наши так мало знали об истории партии, о ее создателях, об истинной истории Советского государства, о преступлении, совершенных властью против собственного народа, что искренне верили во всю ту чушь, которую порожила «Краткий курс ВКП(б)». Они и сегодня мало знают. Мой друг, известный актер в Таганки, пробираясь весь съезд Российской коммунистической партии по телевидению, изложил историю партии, как будто бы он ее изобрел. Россиянская коммунистическая партия была образована в 1898 году. Другое образование она не получила.

Что же касается Ленина (это больше всего обидело моего товарища, ныне мнившего, что это и его особенное дело), то и о нем не было сказано ни слова в дискуссию. Сама же дискуссия и пренебрежение его общественной опасностью.

А если он опасен, то и бурбоа с ним должна вестись умело и тактично. Без перелюбств. Это как в игре «в очко». Мало очков — плохо, но шанс все же есть. Перебор — безусловный проигрыш.

группы издания. Из черт его сделали героя, из полуграмотного — чуть ли не крупного идеолога. «Но ведь сидит же Сидит в тюрьме!» — возразят мне. Думаю, что и сидеть не будет. Первый же кассационный суд заменит срок на условный. Не знаю, угадал ли. Посмотрим.

Замечательная газета с кошмарным названием «Московский комсомолец» напечатала отклик читателей на этот процесс. Цитирую одну из писем по памяти. Пишет пожилая еврейская чета: «Почему вы так много места уделяете этому процессу? Неужели не понимаете, что это приведет к росту антисемитских настроений?»

Воюсь, как бы и меня не обманили в том, что я завербован обществом «Память». Нет, таких предложений не поступало. Что уже говорит о многом. К любому разложению национальной розни отнесу отрицательно и отдавать в этом гнусном списке первое место антисемитизму не вижу оснований. Но не склонно и преуменьшать его общественную опасность.

А если он опасен, то и бурбоа с ним должна вестись умело и тактично. Без перелюбств. Это как в игре «в очко». Мало очков — плохо, но шанс все же есть. Перебор — безусловный проигрыш.

ПОСЛЕ фильма меня часто спрашивали: почему не слова об антисемитизме? Не считаете его серьезной опасностью?

Считаю. Поэтому — и ни слова. Меня только не хватало в этом хорей! Там и так нет отбоя от желающих взять свою ноту.

Всякая грубая и назойливая пропаганда приводит к обратному эффекту. Нам ли этого не знать. Годами твердил: чернов — бляха. А авторитет черныя рос. Писали на всех заборах: партия — ум, честь, совесть... Результат известен. К обратному эффекту, или к эффекту бурлянта, приводит и неуемно назойливая кампания против антисемитизма.

Попробуйте взглянуть на нашу прогрессивную прессу глазами нормального, здорового человека. Сколько всего случилось за этот год! Баку, Душанбе, Тува, Ош... С юных людей сдирали кожу, жгли на кострах!

По газетам же получают: главное событие года — скандал в Доме литераторов. «Или я ничего не понимаю, — скажет нормальный читатель, — или тут что-то не так». Это в лучшем случае он так подумает, а в худшем — поскрежет затлыв и молвят: «А может, правы те, кто говорит, что еврей захватили газеты, радио, телеграф».

Вот вам пример обратного эффекта. Идиотизм, ей богу! Как бы хотелось прочесть о суде над погромщиками в Баку, над убийцами из Ош! Но где? В какой газете? Прогласил же над ничтожками Ошавилина подробнейшим образом освещали все про-

грессивные издания. Из черт его сделали героя, из полуграмотного — чуть ли не крупного идеолога. «Но ведь сидит же Сидит в тюрьме!» — возразят мне. Думаю, что и сидеть не будет. Первый же кассационный суд заменит срок на условный. Не знаю, угадал ли. Посмотрим.

Замечательная газета с кошмарным названием «Московский комсомолец» напечатала отклик читателей на этот процесс. Цитирую одну из писем по памяти. Пишет пожилая еврейская чета: «Почему вы так много места уделяете этому процессу? Неужели не понимаете, что это приведет к росту антисемитских настроений?»

Воюсь, как бы и меня не обманили в том, что я завербован обществом «Память». Нет, таких предложений не поступало. Что уже говорит о многом. К любому разложению национальной розни отнесу отрицательно и отдавать в этом гнусном списке первое место антисемитизму не вижу оснований. Но не склонно и преуменьшать его общественную опасность.

А если он опасен, то и бурбоа с ним должна вестись умело и тактично. Без перелюбств. Это как в игре «в очко». Мало очков — плохо, но шанс все же есть. Перебор — безусловный проигрыш.

хуже живем. Значит, никакие аливансы со стороны нас не спасут. Наоборот — ухудшат положение до невозможности. Выть бедным — беда. Но беда поправима. Быть же бедным и кругом в долгах — из такого положения не выкрутишься.

Стало быть, надо выбирать свои силы. И этому вроде бы и идем. Иначе — крутые реформы. Если нам удастся осуществить самую плохую из предложенных программ, появится шанс.

Но осуществить реформы не удастся. На это есть как минимум две такие же крутые причины.

Во-первых, страна не работает. То, что выражено, не собирается, то, что произведено, не доходит до места назначения, а то, что доходит, не разгружается. Нельзя выполнить никакую программу — ни хорошую, ни плохую, — если мы не будем работать.

Во-вторых, есть могучая сила, которая не даст осуществить ни одно благородное начинание. Эта сила — преступность.

Позволю себе немного порассуждать на тему: можно ли устранить эти две причины, мешающие нам выбраться из беды.

хотя бы не дать ей нагнать и звереть, можно сегодня только одним средством: суровыми репрессиями. Социальные — преступниками, уголовные — преступными, а уголовные — преступными в своих квартирах, мы обязаны пойти на крайние меры защиты, если не хотим погибнуть.

То-то зововется некоторыми, услышав слово «репрессии»: «А сострадание и падежу? А милосердие?»

Вот это и есть милосердие — помянуть своих сограждан, не допустить, чтобы они стали жертвами преступников!

«Вор должен сидеть в тюрьме!» — любил говорить мой любимый Глеб Углов. А гнусный убийца не имеет права дышать одним воздухом с матерью убитой ни девочки!

Мрачная советская история приучила нас понимать под словом «репрессии» только несправедливые наказания. Но наказания может и должно быть справедливыми. По сути речь идет о соблюдении законности. О ее соблюдении. Строгим и неуклонным, которому не должно помешать ни телефонное право, ни давление общественной силы. А пока что в перечне уродных свобод, которых мы добились, первое место занимает самая страшная «свобода» — свобода безнаказанности.

САМОЕ страшное преступление режима — то, что он создал новый тип человека. — говорим мы в своем фильме. Пока этот человек жив, путь в свободное общество будет труден.

Режим, конечно, сделал дело. Но это не полный ответ. Корни где-то глубже. И вот уже задается вопрос: как мог народ в семнадцатом году, вырвавшись из-под Бунина, продать Христа за тридцать сребренников, за право на грабеж и убийство Иван Алексеевич. Он прудудал даже, что скажет этот народ спустя семьдесят лет: «Мы и сами народ будем свидетелем вальса вое на другого. Это, мол, нас жиды на все это дело подбили».

ГОДА три назад я услышал такой анекдот: «Видел новый химический элемент. Называется: социализм. Первой полураспада — семьдесят лет».

Впечатление такое, что период полураспада действительно закончился. Начался распад. И не надо все валить на Горбачева. Горбачев пришел тогда, когда период полураспада уже закончился.

ПРИНИМАЯ ответственность за страну, решения или соглашались из них, мы часто исходим из неверной предсказки: хуже не будет. Но наш собственный исторический опыт доказывает обратное. Плохо было при царе, но пришел февраль, и стало еще хуже. Тяжелые для народа были эти полгода, но наступил Октябрь, и стало неизмеримо хуже. И так далее.

Кажется, хуже, чем сейчас, быть не может. А и нет. Прдела для ухудшения не существует. Впрочем, есть и предел, называемый он — апокалипсис.

Мы — дарвинисты. Суть нашей веры: мир эволюционирует и становится все совершеннее. Однако во времена Дарвина жил еще один ученый, Жорж Кювье, который утверждал, что сложные периоды на Земле чередовались с периодами ката-

строф, когда вымирало все живое. Стало быть, если мы и дождемся апокалипсиса, то он будет на нашей планете не первым. Мы даже в историю не войдем: как первые его жертвы.

Среди писем, которые приходят ко мне, есть одно странное письмо — целый научный трактат. Группа советских и зарубежных ученых пришла к интересному выводу. На первый взгляд он кажется бредовым, да не так ли выглядела все значительные научные открытия. Ученые как бы доказали, что Бог есть. Не Бог — Богочеловек, а Бог в том высоком смысле, как его понимали Бор и Эйнштейн.

Изучая радиоактивный слой вокруг земного ядра, исследователи пришли к выводу, что Земля совершенно не терпит скопления живой отрицательной энергии на своей поверхности. Раню или поздно она уничтожает ее. Наступает как бы возмездие. Похоже, не правда ли, на утверждение, что Бог все видит, ни один поступок не укроется от его взгляда, рано или поздно зло будет наказано.

Надо ли подсказывать, на каком участке земного шара скапливается эта отрицательная энергия в наиболее густой концентрации? Не сюда ли нацеливает Земля свой решительный удар?

Пока теория проверяется, есть смысл остановиться, перестать накалывать зло друг на друга.

«Говорить, хватит накалывать зло, пора умерить экстремистский пыл... А сам?»

Да, после фильма многие пытались обвинить меня в том, что я чуть ли не призываю судить всех до единого коммунистов, пытаюсь свалить всю вину на Ленина, из которого сделана боженька, и кому, на которую наши руководители все еще продолжают молиться. Один мой товарищ, ныне мнивший на трудном посту! — примерно так и выразил свою мысль.

Партию как организацию — да. Но призывать судить каждого коммуниста... Что за чушь! Такое сказать — язык не повернется. Что же мы не поимом это время? Когда нельзя да в кармане нельзя профессии заниматься. Ремеслом еще худо-бедно можно было бы, а дипломатом — ни в коем случае. А о беспартийном капитане пасаажерского судна вы когда-нибудь слышали? Да что там говорить. Родию у нас записали нельзя было без партийности! Нет, мы не назвали бы беспартийного, скажем, командиром дивизии.

Многие из этих людей не выходят сегодня из партии из чувства достоинства. И

группы издания. Из черт его сделали героя, из полуграмотного — чуть ли не крупного идеолога. «Но ведь сидит же Сидит в тюрьме!» — возразят мне. Думаю, что и сидеть не будет. Первый же кассационный суд заменит срок на условный. Не знаю, угадал ли. Посмотрим.

Замечательная газета с кошмарным названием «Московский комсомолец» напечатала отклик читателей на этот процесс. Цитирую одну из писем по памяти. Пишет пожилая еврейская чета: «Почему вы так много места уделяете этому процессу? Неужели не понимаете, что это приведет к росту антисемитских настроений?»

Воюсь, как бы и меня не обманили в том, что я завербован обществом «Память». Нет, таких предложений не поступало. Что уже говорит о многом. К любому разложению национальной розни отнесу отрицательно и отдавать в этом гнусном списке первое место антисемитизму не вижу оснований. Но не склонно и преуменьшать его общественную опасность.

А если он опасен, то и бурбоа с ним должна вестись умело и тактично. Без перелюбств. Это как в игре «в очко». Мало очков — плохо, но шанс все же есть. Перебор — безусловный проигрыш.

ГОДА полтора назад у нас в стране началась кампания по борьбе с организованной преступностью. Все — Верховный Совет, ученые, милиционеры, газетчики — словом сошлись с ума: без умелой твердости об организованной преступности. И не замечали действительной опасности — преступности неорганизованной и спонтанной, проливающейся основы его. Впрочем, об этом мы довольно подробно говорили в фильме «Так жить нельзя».

Во времена, когда снимались фильм, я рассуждал так: «В обществе, где все организовано из рух во плохо — производство, транспорт, милиция, сельское хозяйство, — не может быть хорошо организованной преступности». Просматривая газеты, я с удивлением обнаружил, что сегодня кое-кто цитирует мои прежние рассуждения («Вечерняя Москва», 24 октября). Цитировать надо было вовремя — сегодня рассуждения устарели. Преступность за это время не только росла и крепла, но и организовывалась. Конечно, с настоящей мафией — колумбийской или итальянской — нам еще развязать рано (по погоде это догоним!), однако бандитизм у нас поставлен на самую широкую ногу.

Преступность звереет. Другому яиче не скажешь. Правительство по-прежнему борется с ней постановлением. Недавно вышло еще одно «указание, указать, укрепить».

хуже живем. Значит, никакие аливансы со стороны нас не спасут. Наоборот — ухудшат положение до невозможности. Выть бедным — беда. Но беда поправима. Быть же бедным и кругом в долгах — из такого положения не выкрутишься.

Стало быть, надо выбирать свои силы. И этому вроде бы и идем. Иначе — крутые реформы. Если нам удастся осуществить самую плохую из предложенных программ, появится шанс.

Но осуществить реформы не удастся. На это есть как минимум две такие же крутые причины.

Во-первых, страна не работает. То, что выражено, не собирается, то, что произведено, не доходит до места назначения, а то, что доходит, не разгружается. Нельзя выполнить никакую программу — ни хорошую, ни плохую, — если мы не будем работать.

Во-вторых, есть могучая сила, которая не даст осуществить ни одно благородное начинание. Эта сила — преступность.

Позволю себе немного порассуждать на тему: можно ли устранить эти две причины, мешающие нам выбраться из беды.

хотя бы не дать ей нагнать и звереть, можно сегодня только одним средством: суровыми репрессиями. Социальные — преступниками, уголовные — преступными, а уголовные — преступными в своих квартирах, мы обязаны пойти на крайние меры защиты, если не хотим погибнуть.

То-то зововется некоторыми, услышав слово «репрессии»: «А сострадание и падежу? А милосердие?»

Вот это и есть милосердие — помянуть своих сограждан, не допустить, чтобы они стали жертвами преступников!

«Вор должен сидеть в тюрьме!» — любил говорить мой любимый Глеб Углов. А гнусный убийца не имеет права дышать одним воздухом с матерью убитой ни девочки!

Мрачная советская история приучила нас понимать под словом «репрессии» только несправедливые наказания. Но наказания может и должно быть справедливыми. По сути речь идет о соблюдении законности. О ее соблюдении. Строгим и неуклонным, которому не должно помешать ни телефонное право, ни давление общественной силы. А пока что в перечне уродных свобод, которых мы добились, первое место занимает самая страшная «свобода» — свобода безнаказанности.

хуже живем. Значит, никакие аливансы со стороны нас не спасут. Наоборот — ухудшат положение до невозможности. Выть бедным — беда. Но беда поправима. Быть же бедным и кругом в долгах — из такого положения не выкрутишься.

Стало быть, надо выбирать свои силы. И этому вроде бы и идем. Иначе — крутые реформы. Если нам удастся осуществить самую плохую из предложенных программ, появится шанс.

Но осуществить реформы не удастся. На это есть как минимум две такие же крутые причины.

Во-первых, страна не работает. То, что выражено, не собирается, то, что произведено, не доходит до места назначения, а то, что доходит, не разгружается. Нельзя выполнить никакую программу — ни хорошую, ни плохую, — если мы не будем работать.

Во-вторых, есть могучая сила, которая не даст осуществить ни одно благородное начинание. Эта сила — преступность.

Позволю себе немного порассуждать на тему: можно ли устранить эти две причины, мешающие нам выбраться из беды.

лику, может быть, дело и не дойдет, но недавно я видел на стене автомата... кого бы вы думали? Брежнев! Уф, но что ничтожно и никчемно, а и то... Заметили, стоит собраться в уютном месте и не за пустым столом, как обязательно кто-то заметит: «Как в хорошие застойные времена!»

Хотите серьезные примеры? Гейдар Алиев — разве мажор?

Все эти приметы времени говорят о том, что будущее молодой демократии совсем не безоблачно. Речь идет не о реставрации режима, этого не будет — перемены, которые произошли в стране, необратимы. А вот то, что миллионы поклонников демократии если не убегут в стан ее противников, то прарядятся в сторонних наблюдателей. — Неужели возможно? Где же собака зарыта, в чем дело? Не знаю, надо подумать. Может быть, стоит померить экстремистский пыл. Пока в стране такая напряженность.

Волюлю ли, незволюлю ли, но мы как бы выработали в народе условный рефлекс: чем больше свобод, тем хуже жизнь. Поглядеть даже далеко. Представьте, завтра кто выйдет на митинг и крикнет: «Требуем новых свобод!» Его же просто побьют. Как побьют Якова Свердлов рабочие фабрики «Савва Морозова сыновья» в 18-м году.

ГОДА три назад я услышал такой анекдот: «Видел новый химический элемент. Называется: социализм. Первой полураспада — семьдесят лет».

Впечатление такое, что период полураспада действительно закончился. Начался распад. И не надо все валить на Горбачева. Горбачев пришел тогда, когда период полураспада уже закончился.

ПРИНИМАЯ ответственность за страну, решения или соглашались из них, мы часто исходим из неверной предсказки: хуже не будет. Но наш собственный исторический опыт доказывает обратное. Плохо было при царе, но пришел февраль, и стало еще хуже. Тяжелые для народа были эти полгода, но наступил Октябрь, и стало неизмеримо хуже. И так далее.

Кажется, хуже, чем сейчас, быть не может. А и нет. Прдела для ухудшения не существует. Впрочем, есть и предел, называемый он — апокалипсис.

Мы — дарвинисты. Суть нашей веры: мир эволюционирует и становится все совершеннее. Однако во времена Дарвина жил еще один ученый, Жорж Кювье, который утверждал, что сложные периоды на Земле чередовались с периодами ката-

строф, когда вымирало все живое. Стало быть, если мы и дождемся апокалипсиса, то он будет на нашей планете не первым. Мы даже в историю не войдем: как первые его жертвы.

Среди писем, которые приходят ко мне, есть одно странное письмо — целый научный трактат. Группа советских и зарубежных ученых пришла к интересному выводу. На первый взгляд он кажется бредовым, да не так ли выглядела все значительные научные открытия. Ученые как бы доказали, что Бог есть. Не Бог — Богочеловек, а Бог в том высоком смысле, как его понимали Бор и Эйнштейн.

Изучая радиоактивный слой вокруг земного ядра, исследователи пришли к выводу, что Земля совершенно не терпит скопления живой отрицательной энергии на своей поверхности. Раню или поздно она уничтожает ее. Наступает как бы возмездие. Похоже, не правда ли, на утверждение, что Бог все видит, ни один поступок не укроется от его взгляда, рано или поздно зло будет наказано.

Надо ли подсказывать, на каком участке земного шара скапливается эта отрицательная энергия в наиболее густой концентрации? Не сюда ли нацеливает Земля свой решительный удар?

Пока теория проверяется, есть смысл остановиться, перестать накалывать зло друг на друга.

«Говорить, хватит накалывать зло, пора умерить экстремистский пыл... А сам?»

Да, после фильма многие пытались обвинить меня в том, что я чуть ли не призываю судить всех до единого коммунистов, пытаюсь свалить всю вину на Ленина, из которого сделана боженька, и кому, на которую наши руководители все еще продолжают молиться. Один мой товарищ, ныне мнивший на трудном посту! — примерно так и выразил свою мысль.

Партию как организацию — да. Но призывать судить каждого коммуниста... Что за чушь! Такое сказать — язык не повернется. Что же мы не поимом это время? Когда нельзя да в кармане нельзя профессии заниматься. Ремеслом еще худо-бедно можно было бы, а дипломатом — ни в коем случае. А о беспартийном капитане пасаажерского судна вы когда-нибудь слышали? Да что там говорить. Родию у нас записали нельзя было без партийности! Нет, мы не назвали бы беспартийного, скажем, командиром дивизии.

Многие из этих людей не выходят сегодня из партии из чувства достоинства. И

группы издания. Из черт его сделали героя, из полуграмотного — чуть ли не крупного идеолога. «Но ведь сидит же Сидит в тюрьме!» — возразят мне. Думаю, что и сидеть не будет. Первый же кассационный суд заменит срок на условный. Не знаю, угадал ли. Посмотрим.

Замечательная газета с кошмарным названием «Московский комсомолец» напечатала отклик читателей на этот процесс. Цитирую одну из писем по памяти. Пишет пожилая еврейская чета: «Почему вы так много места уделяете этому процессу? Неужели не понимаете, что это приведет к росту антисемитских настроений?»

Воюсь, как бы и меня не обманили в том, что я завербован обществом «Память». Нет, таких предложений не поступало. Что уже говорит о многом. К любому разложению национальной розни отнесу отрицательно и отдавать в этом гнусном списке первое место антисемитизму не вижу оснований. Но не склонно и преуменьшать его общественную опасность.

А если он опасен, то и бурбоа с ним должна вестись умело и тактично. Без перелюбств. Это как в игре «в очко». Мало очков — плохо, но шанс все же есть. Перебор — безусловный проигрыш.

ГОДА полтора назад у нас в стране началась кампания по борьбе с организованной преступностью. Все — Верховный Совет, ученые, милиционеры, газетчики — словом сошлись с ума: без умелой твердости об организованной преступности. И не замечали действительной опасности — преступности неорганизованной и спонтанной, проливающейся основы его. Впрочем, об этом мы довольно подробно говорили в фильме «Так жить нельзя».

Во времена, когда снимались фильм, я рассуждал так: «В обществе, где все организовано из рух во плохо — производство, транспорт, милиция, сельское хозяйство, — не может быть хорошо организованной преступности». Просматривая газеты, я с удивлением обнаружил, что сегодня кое-кто цитирует мои прежние рассуждения («Вечерняя Москва», 24 октября). Цитировать надо было вовремя — сегодня рассуждения устарели. Преступность за это время не только росла и крепла, но и организовывалась. Конечно, с настоящей мафией — колумбийской или итальянской — нам еще развязать рано (по погоде это догоним!), однако бандитизм у нас поставлен на самую широкую ногу.

Преступность звереет. Другому яиче не скажешь. Правительство по-прежнему борется с ней постановлением. Недавно вышло еще одно «указание, указать, укрепить».

хуже живем. Значит, никакие аливансы со стороны нас не спасут. Наоборот — ухудшат положение до невозможности. Выть бедным — беда. Но беда поправима. Быть же бедным и кругом в долгах — из такого положения не выкрутишься.

Стало быть, надо выбирать свои силы. И этому вроде бы и идем. Иначе — крутые реформы. Если нам удастся осуществить самую плохую из предложенных программ, появится шанс.

Но осуществить реформы не удастся. На это есть как минимум две такие же крутые причины.

Во-первых, страна не работает. То, что выражено, не собирается, то, что произведено, не доходит до места назначения, а то, что доходит, не разгружается. Нельзя выполнить никакую программу — ни хорошую, ни плохую, — если мы не будем работать.

Во-вторых, есть могучая сила, которая не даст осуществить ни одно благородное начинание. Эта сила — преступность.

Позволю себе немного порассуждать на тему: можно ли устранить эти две причины, мешающие нам выбраться из беды.

хотя бы не дать ей нагнать и звереть, можно сегодня только одним средством: суровыми репрессиями. Социальные — преступниками, уголовные — преступными, а уголовные — преступными в своих квартирах, мы обязаны пойти на крайние меры защиты, если не хотим погибнуть.

То-то зововется некоторыми, услышав слово «репрессии»: «А сострадание и падежу? А милосердие?»

Вот это и есть милосердие — помянуть своих сограждан, не допустить, чтобы они стали жертвами преступников!

«Вор должен сидеть в тюрьме!» — любил говорить мой любимый Глеб Углов. А гнусный убийца не имеет права дышать одним воздухом с матерью убитой ни девочки!

Мрачная советская история приучила нас понимать под словом «репрессии» только несправедливые наказания. Но наказания может и должно быть справедливыми. По сути речь идет о соблюдении законности. О ее соблюдении. Строгим и неуклонным, которому не должно помешать ни телефонное право, ни давление общественной силы. А пока что в перечне уродных свобод, которых мы добились, первое место занимает самая страшная «свобода» — свобода безнаказанности.

хуже живем. Значит, никакие аливансы со стороны нас не спасут. Наоборот — ухудшат положение до невозможности. Выть бедным — беда. Но беда поправима. Быть же бедным и кругом в долгах — из такого положения не выкрутишься.

Стало быть, надо выбирать свои силы. И этому вроде бы и идем. Иначе — крутые реформы. Если нам удастся осуществить самую плохую из предложенных программ, появится шанс.

Но осуществить реформы не удастся. На это есть как минимум две такие же крутые причины.

Во-первых, страна не работает. То, что выражено, не собирается, то, что произведено, не доходит до места назначения, а то, что доходит, не разгружается. Нельзя выполнить никакую программу — ни хорошую, ни плохую, — если мы не будем работать.

Во-вторых, есть могучая сила, которая не даст осуществить ни одно благородное начинание. Эта сила — преступность.

Позволю себе немного порассуждать на тему: можно ли устранить эти две причины, мешающие нам выбраться из беды.

лику, может быть, дело и не дойдет, но недавно я видел на стене автомата... кого бы вы думали? Брежнев! Уф, но что ничтожно и никчемно, а и то... Заметили, стоит собраться в уютном месте и не за пустым столом, как обязательно кто-то заметит: «Как в хорошие застойные времена!»

Хотите серьезные примеры? Гейдар Алиев — разве мажор?

Все эти приметы времени говорят о том, что будущее молодой демократии совсем не безоблачно. Речь идет не о реставрации режима, этого не будет — перемены, которые произошли в стране, необратимы. А вот то, что миллионы поклонников демократии если не убегут в стан ее противников, то прарядятся в сторонних наблюдателей. — Неужели возможно? Где же собака зарыта, в чем дело? Не знаю, надо подумать. Может быть, стоит померить экстремистский пыл. Пока в стране такая напряженность.

Волюлю ли, незволюлю ли, но мы как бы выработали в народе условный рефлекс: чем больше свобод, тем хуже жизнь. Поглядеть даже далеко. Представьте, завтра кто выйдет на митинг и крикнет: «Требуем новых свобод!» Его же просто побьют. Как побьют Якова Свердлов рабочие фабрики «Савва Морозова сыновья» в 18-м году.

ГОДА три назад я услышал такой анекдот: «Видел новый химический элемент. Называется: социализм. Первой полураспада — семьдесят лет».

Впечатление такое, что период полураспада действительно закончился. Начался распад. И не надо все валить на Горбачева. Горбачев пришел тогда, когда период полураспада уже закончился.

ПРИНИМАЯ ответственность за страну, решения или соглашались из них, мы часто исходим из неверной предсказки: хуже не будет. Но наш собственный исторический опыт доказывает обратное. Плохо было при царе, но пришел февраль, и стало еще хуже. Тяжелые для народа были эти полгода, но наступил Октябрь, и стало неизмеримо хуже. И так далее.

Кажется, хуже, чем сейчас, быть не может. А и нет. Прдела для ухудшения не существует. Впрочем, есть и предел, называемый он — апокалипсис.

Мы — дарвинисты. Суть нашей веры: мир эволюционирует и становится все совершеннее. Однако во времена Дарвина жил еще один ученый, Жорж Кювье, который утверждал, что сложные периоды на Земле чередовались с периодами ката-

строф, когда вы

НЕВОСТРЕБОВАНОЕ БОГАТСТВО

Одним из наиболее остромозговых козлов, кажется, без тени сомнений утверждал: здоровье народа — богатство страны. Увы, реальность этого богатства так никто не установил... Оставив в стороне медицину — о ней говорено предостаточно, обратим взор на ее не менее немощную спутницу — физкультуру. В состоянии ли она помочь обществу... Хотя бы взбодриться? С этого вопроса корреспондент «Советской культуры» начал беседу с кандидатом философских наук, мастером спорта СССР Анатолием Цариком.

— Недавно в стране произошло очень заметное событие — создана Всесоюзная ассоциация физической культуры и спорта для всех, — говорит Анатолий Владимирович. — По крайней мере газета «Советский спорт», выступившая в роли одного из главных учредителей общественной организации, посетила в ней несколько стран. Но дело даже не в игнорировании факта, физкультурные работники давно привыкли к «стартовому принципу». Но вопрос, который мы задаем, более чем актуален. Утверждение это как президент ассоциации...

— Скажите, Анатолий Владимирович, а для чего нужна ассоциация? Физической культуры и спорта для всех? Разве мало Госкомспорта СССР, добровольных спортивных обществ, федераций по видам спорта?

— Очевидно, нужна, если за ее созданием высказались руководители названных вами физкультурных организаций, практикующие всех госкомспортов союзных и автономных республик. Наряду с госкомспортом учредителями ассоциации стали Минздрав СССР, Гостелевидение СССР, Советский фонд здоровья и милосердия, Олимпийский комитет СССР, ряд центральных изданий...

Общезвестно: в сфере подготовки советских спортсменов в Олимпийских играх, чемпионатах мира созданы замечательные условия. Но ведь танго же систему надо создавать не в массовом спорте, физическом воспитании людей. И, как показала жизнь, этого невозможно достичь без специализированного общественного объединения. В данном случае нареченого ассоциацией. Но дело не в названии. Иначе физкультурное движение надо сделать более динамичным, ввести в русло но-

вых экономических структур. Ассоциация будет свободна от подготовки олимпийского резерва, многоотрасльный забот о спортсменах высокого класса, сосредоточит свои усилия на действительно главном направлении физкультурного движения — физическом совершенствовании людей, на здоровье, спорте для всех. Цель — дойти до каждого человека, помочь ему найти путь к здоровью без лекарств, к физическому совершенствованию, закалке, продлению активного долголетия. В этом, надеюсь, нам поможет единственная в своем роде газета «Путь к здоровью» — орган нашей ассоциации.

— На фоне тех бед, которые сегодня навалились на страну, невольно напрашивается вопрос: в до физкультуры ли нам нынче!

— Все так. Но кто будет пользоваться плодами нового «светлого будущего»? Дело идет к тому, что одна половина населения будет лечиться, а другая — лечить. Ведь нацию все больше захватывает физическая деградация. Заглянем в статистику. Она тревожна. В 1989 году на 100 тысяч человек у нас зарегистрировано... 90,2 тысячи больных. Это один из самых худших показателей на планете. Помимо, конечно, отдала от человека в таком физическом состоянии — и на работе, и в семейных делах. Добавлю — каждый работающий по болезни теряет в среднем 11 календарных дней.

Особое беспокойство — здоровье подрастающего поколения. Более 50 процентов дошкольников больны. А за время обучения в школе с 1-го по 8-й классы количество здоровых детей снижается в 2—3 раза. К моменту окончания школы абсолютно здоровых детей остается всего 20 процентов, а половина

выпускников уходит во взрослую жизнь с хроническими заболеваниями. Хочу до конца быть откровенным. Так вот по ожидаемой продолжительности жизни населения мы отстав от Китая на 3 года, США и Кубы — на 5 лет, ФРГ — на 6 лет, Японии — на 9 лет и находимся по этому интегральному показателю, характеризующему и уровень культуры, и уровень жизни, где-то в четвертом десятке среди стран мира. И вот еще такая как следствие сугубо отечественный итог: у нас один из наиболее высоких в мире коэффициентов смертности. Выдумайтесь, за год умирает, не дожив до пенсий, более 500 тысяч человек, говоря языком социологов, трудоспособного возраста. Экономические потери по всем этим причинам, по расчетам экспертов, составляют около 70 млрд. рублей в год, в том числе только на оплату листов временной нетрудоспособности — более 7 млрд. рублей. Какая еще страна может себе позволить такие человеческие, моральные и экономические потери?

— В чем, на ваш взгляд, истоки подобных потерь?

— Надо смотреть в корень. Выше я уже касался «детской темы». И, отвечая на вопрос, хочу к ней вернуться для большей наглядности. Физическая активность подавляющего большинства школьников составляет по стране лишь одну четвертую от ее научно обоснованного объема. Два-три урока физкультуры в неделю не в состоянии компенсировать острую биологическую потребность детей в движении. В этом-то и кроется главная причина их физической немощности, болезненности, да и физкультурной безграмотности. Как говорится, что сеешь, то и пожнешь, и надо ли удивляться, что дела у взрослых еще хуже. Выборочные обследования показывают в бюджетные времена, например, рабочих и служащих, прогули и занятых спортом занимают в выходные дни в среднем 1 час 17 минут, а рабочие — только 19 минут, причем у женщин и того меньше — 11 минут.

— Парадоксальная картина! Неужели так трудно вовлечь людей в активные физкультурные занятия? Ведь речь идет об азбучной истине.

— Недавно один армейский ветеран спорта в своем письме рекомендовал

решить эту проблему следующим образом: оздоровительные группы взрослых расширить до 300—400 человек и заниматься со всеми под музыку, на стадионе, в уроки физкультуры в школе проводить сразу для четырех классов вместе. Но «старые» занятия по-прежнему не приживаются. Наверно, потому, что у каждого есть свои интересы, потребности, индивидуальность, желая заниматься в нормальных человеческих условиях, под руководством специалиста, а если самостоятельно, то в красивой форме, на современных тренажерах. Люди хотят видеть хотя бы минимум сервиса на занятиях — до и после них. На все это нужны средства. Мы же имеем, не подберу другого слова, нищадное финансирование. Местные Советы народных депутатов выделяют на развитие физической культуры (читай — оздоровительных групп) профсоюзной забоевой) в среднем 0,01—0,03 процента (!) своего бюджета.

Для того, чтобы понять смалость такого «выделения», прежде сравним долю муниципального бюджета на развитие физической культуры, например, во Франции составляет в среднем 5—7 процентов, а во многих муниципалитетах — 10 процентов, то есть минимум в 500 раз больше, чем у нас. И давайте не удивляться. Ваша газета не раз писала о пресловутом остаточном принципе в культуре. Он целиком относится и к физической культуре тоже. Пример, как ни странно, подает союзные экономические ведомств в структуре государственного бюджета «здравоохранение и физическая культура» две последние составляют... 1/150 часть. Нет, ни от всего бюджета, а от его части только на одно здравоохранение! Вот вам в действии провозглашенная Минздравом СССР не весь мир стратегия приоритета профилактиki забоевой над его лечением...

Будем объективны: здравоохранение также пребывает под гнетом остаточного финансирования. Его доля в бюджете составляет 4,8 процента. Это значит, увеличившись, чем практически в любой развитой стране. Но что тогда говорить о физической культуре? Пресловутый «остаточный принцип», доведенный до абсурда в виде решения о прямом запрете строительства спортивных сооружений на целые пятилетки подарил материальную базу физической

культуры к тому, что уровень обеспечения спортсооружениями составляет сегодня менее 30 процентов от реальной потребности, а по бассейнам — только 10 процентов. Среди дошкольных учреждений и школ бассейны за редким исключением практически отсутствуют всюду. Нет спортивных залов в 20 процентах средних школ и в свыше 50 процентах восьмиклассных. Только 2—3 процента территорий парков (вместо 15 процентов по нормативу) отдается под физкультурно-спортивные зоны.

Особенно заметно наше отставание в развитии физкультурно-спортивной базы в сравнении с другими странами. Так, на один бассейн приходится: в СССР — 125 тыс. человек, в Венгрии — 26 тыс., Германии — 14 тыс., Японии — 4 тыс., США — менее 500 человек.

Разумеется, у нас далеко не везде руководствовались «принципами», которые диктовались сверху. Так, в разгар действия запрета на строительство спортсооружений на производственном объединении «Строймаш» в Минске был создан «Центр здоровья», включающий простейшие спортивные плоскостные сооружения, тренажерный зал, сауны с бассейном, диагностико-консультационный центр, «сад здоровья». Кстати, забоеваемость на этом предприятии резко снизилась. Несмотря на союзную «норму», ввели три и более урока физкультуры в тысячи школ Белоруссии и Латвии.

— Так хочется запустить клеще — есть на него равняться! Но что надо для того, чтобы улучшить дело в масштабах страны!

— У меня нет однозначного ответа. Думаю, надо осознать, что физическая деградация народа такая же катастрофа, как и нравственное его оскудение или загрязнение внешней среды.

А уж затем необходимо обратиться к проблемам принципиальным. Следует, во-первых, восстановить истинный смысл самого понятия физической культуры. Ведь некоторые наши теоретики, а за ними и руководители учреждений свести его к двигательной активности и физподготовке. Физическая культура — понятие значительно более емкое...

Сегодня много говорят и пишут об общечеловеческих ценностях. Физическая культура и спорт — есть одна из них. Она — часть культуры душой. Пришло время создать совет по физической культуре при Президенте — по аналогии Президентского Совета по физической подготовленности и спорту США. Эта мера позволила бы поднять в обществе роль физической культуры и спорта.

И, конечно, как можно скорее нужно принять Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о физической культуре и спорте, в которых следует решить уловкой вопрос — финансирование. Отрасль физическая культура и спорт должна отражаться в государственном самостоятельном строке и финансироваться, как это делается в других странах, отдельно, в объеме не менее одного процента средств бюджета страны и не менее пяти процентов — местных бюджетов. Прием, давно расхожий на оздоровительную физическую культуру и массовый спорт должен быть самым 40 процентов этих средств.

Предприятия, объединения, учреждения и организации, добровольные физкультурно-спортивные общества, ассоциации, федерации, иные общественные объединения, направляющие свою прибыль на развитие физической культуры и спорта, должны быть, безусловно, освобождены от платы за землю, трудовые и производственные ресурсы (кроме платы за трудовые ресурсы по аппарату управления) и не подлежат иным видам налогообложения.

Было бы справедливо часть прибыли в пределах шести — десяти процентов от продажи табачных изделий и алкогольных напитков направлять целевым назначением в бюджет местных Советов народных депутатов на цели развития физической культуры. Нельзя допускать строительства новых и реконструкцию существующих детских дошкольных учреждений и учебных заведений без плавательных бассейнов и физкультурно-спортивных залов.

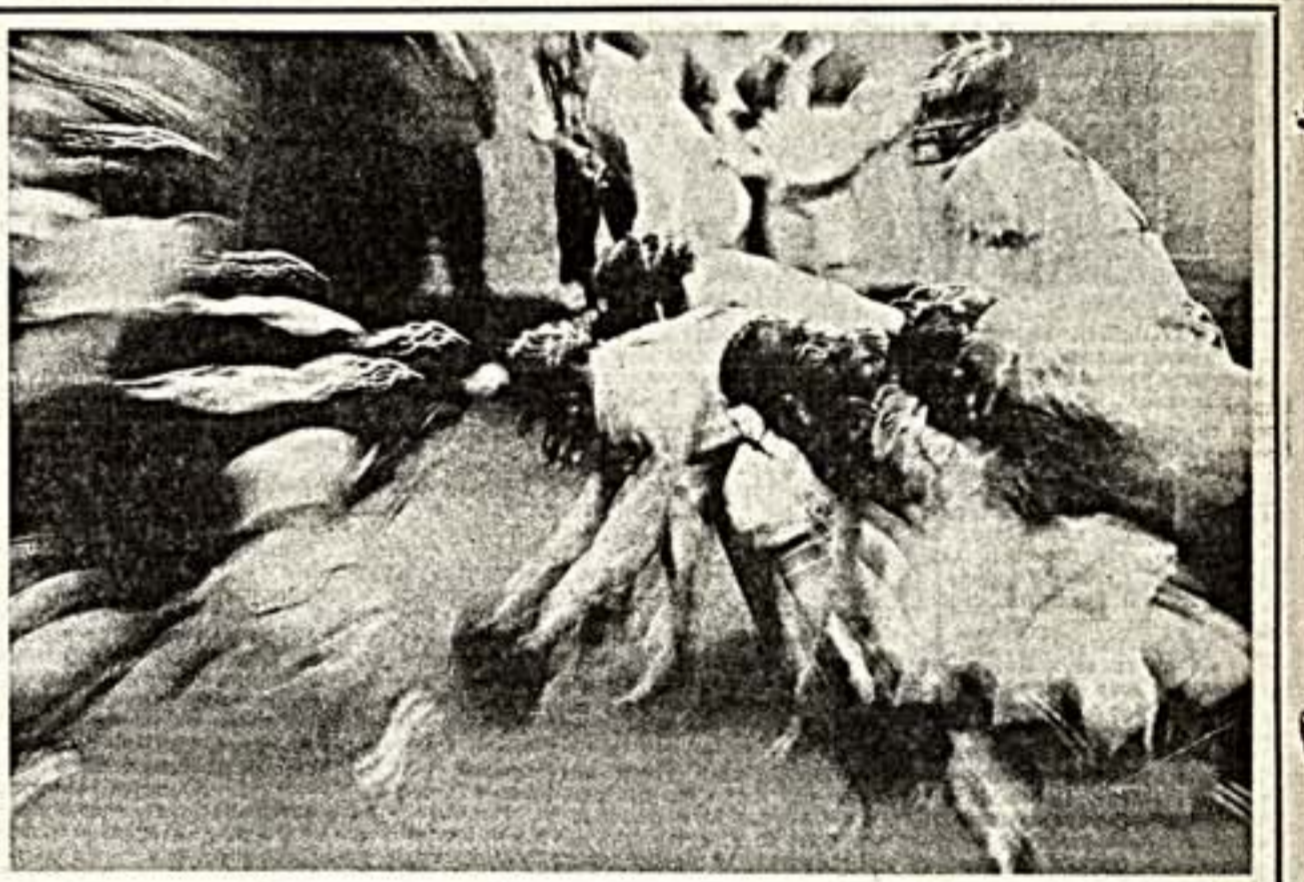
И, наконец, детям из многодетных и малообеспеченных семей, инвалидам, детям-сиротам физкультурно-спортивные услуги должны предоставляться бесплатно, а дошкольникам, школьникам, участникам Великой Отечественной войны и лицам, приравненным к ним, по льготам — на льготных условиях.

Словом, фронт работ у ассоциации широкий, а цель — благородная...

Интервью взял Леонид ГАЛНЬСКИЙ.

Захватывающее это зрелище — американский танец. Абстрагированный центр — сейчас сегодня в легкомысленном комплексе ЦСКА иммерсионный турнир по американскому футболу. Фото А. Беллечева.

Последнее время чуть ли не все средства массовой информации публикуют все, статьи наших бывших граждан, живущих теперь в Парижах, Лондонах, Нью-Йорках, в которых нас поучают, как жить. Я не говорю о статьях серьезных ученых-экономистов, у них есть чему поучиться. Я говорю о белеетристу, у которых нет и тени сомнений в своем праве довольно развязно рассуждать о судьбе понинтой или Отчизны, причем пожинуть добровольно, а не о вынужденных пожинуть ее по известным нам обстоятельствам или о выдворенных, как А. Солженицын, или вытолкнутых, как В. Некрасов.

Вот недавно еженедельник «Собеседник» сразу в трех номерах (43, 44 и 45) поразил нас откровенными уже известными у нас по публикациям в «Юности» и других журналах Эдуарда Лимонова. Каким-либо художественных открытий в его прозе не нашел. На мой взгляд, это обычная белеетристика для широкой публики, в меру занимательная и легко читаемая, против которой я ничего не имею — пусть публикуют, раз пошла у нас такая мода, но вот насчет откровенной в «Собеседнике» хочется сказать несколько слов.

Начну с номера 43-го еженедельника. Статья Э. Лимонова называется: «Мазохизм — государственная политика СССР времен перестройки», а заканчивается словами: «Да, быть русским в 1990 году — очень нерепетическое занятие. Даже нерепетическое занятие. Даже нерепетическое французским паспортом».

Не знаю, почему для Э. Лимонова только в 1990 году быть русским — нерепетическое занятие. Он может и не презирать, сохраняя свои нервы, а вот для нас, русских, с русским паспортом, это «нерепетическое занятие» началось со дня нашего рождения и, видимо, продолжится до самой смерти, во всяком случае для русских моего поколения, родившихся в двадцатых.

Вот этапы моего личного «большого пути»: пух с голода в 21-м. В 30-е годы получал по карточкам вместо мяса бычьи семенники или полудюжину, тощих кроликов, называемых в народе «сталинскими бынами», и пушал слюну, глядя через витрины «торгинов» на французские булочки, вкус которых уже забыл к тому времени. В 42-м под Ржевом жрал тухлую конину, продолжая под снегом с осени, а будущим ранним по дороге в тыл, пен на костре лепехи

на картошки, тоже не выпомпанной осекая, склизкой, почти синей, но без этих лепех вряд ли добрался бы до эвакуационного пункта. После войны, тоже голодал, как и все бывшие фронтовики, имел Р-4 (рабочую карточку) и 250 «раз» пенсия. Сейчас, на семидесятом году жизни снова ожидаю карточную систему, только боюсь, что нормы выдачи продуктов будут малость ниже норм военного и послевоенного времени...

Но что я? Я счастливчик! Я не умер в голод 32-го, не посажен в лагерь в 37-м и не погиб на войне. Конечно, счастливчик по сравнению с миллио-

нот как, господа советские интел-

лиграмм, припечатал нас Эдичка! Но как ни «глупы» мы и не «неужесточенные», но-то не припомнить нам, чтобы другие государства и системы вели такую беспощадную войну с собственным народом, которая уничтожила за время своего существования около ста миллионов своих граждан. Или это неизвестно Э. Лимонову? Или вообще подлаживаю и гнусовато говорить так о многострадальной русской интеллигенции, на которую обрушился самый жестокий удар режима и которая за пять лет перестройки доискала правды и благодаря гласности донесла эту правду до народа. И вот эту святую очистительную работу наших историков и публицистов назвать «рытьем», то бишь подпольем, под фундаментом не только советского, но и почему-то «российского» государства... Побойтесь Бога, Лимонов!

Но что ожидать от человека, который гораздо больше жалует «отеческую организацию» — НКВД, которая «была практически вырезана в 1936—1953 гг., то есть «страдала» со всем народом и даже более его (разрядка моя.— В. К.), чем миллионы рабочих, крестьян и той же поносимой интеллигенции. Поблагодарим Э. Лимонова и за эти перлы. Видать, дороже ему 20 тысяч гистов-палачей, расстрелянных дружин палачами. Ну а что насчет 63-го года, то неужесточено не знать, что тогда расстреляли только Берия и нескольких

его приспешников высокого ранга, а в целом аппарат этого учреждения сохранился, не исключая, быть может, уволенных или отправленных на пенсию, но не пошедших никакого наказания за свои кровавые дела. Да, как «пострадала» родина Лимонову по крови работники органов!

«Совсем новый объект ненависти», — пишет Лимонов, — Советская Армия. Нападения на военный персонал, на офицеров и солдат сделали важнейшей частью советской криминальной хроники. Армия, по сути своей, инструмент наведения закона и порядка... Разве так? А мы-то думали,

что армия существует для отражения внешнего врага. Что-то путает тут Э. Лимонов — армию с любовными его сердцу войсками МВД. И не «ненависть» выражает наша печать, а боль и тревогу за армию, в которой пыльным цветом расцвели и деловички, и преступники, и коррупция, результатом чего явилась гибель тысяч солдат в мирное время. Что же, молчать об этом? Загонять болезни внутрь? Вам-то, что, в далеком Париже, ваш сын, ежело он есть у вас, не пойдя служить в эту армию, а ежело бы пришлось — как бы вы заехали? Вы разве не видели или не читали о несчастных матерях, пикирующих на площадях с фотографиями погибших сыновей?

И не буду касаться второй статьи Э. Лимонова, опубликованной в номере 44 «Собеседника», пусть ответят ему задаваемые им тут Собач, Шмелев и Федоров, но о третьей статье под названием «Брат богатый наш, Кальвин!» хотелось бы сказать несколько слов. Заканчивается она так: «Вот, скажет читатель, разговор Лимонов...» И верно, разговор много, и так же развязно и безоназательно, как и в своей первой статье, «наговорил» с лаской необязательной, чем и напоминает нам голговетского героя. Вот сказал, как отпечатал: «Характер русского человека в течение тысячелетия подвергался влиянию византийского христианства. Ви-

зантизм был (и остался) «отстойлом» в известном смысле равнодушием христианства». И мы что, должны верить? Что же, поверим, как и в то, что из-за этого «отстойла» византизм русский народ не способен... «Да, да, не способен. Русский народ — великий и талантливый народ, он способен на подвиги в войне, на сентиментальные (?) — В. К.) подвиги великодушия, на благородство и самопожертвования, но медленное накопление — не его чашка чая. Не случайно так неормально обширен в русском фольклоре цикл сказок об Иване-дураке...»

мы имеем обширный рынок рабочей силы, куда уйдут миллионы людей. Да и смешно думать, что переход к массе людей с предпринятием. Для этого ведь новые технологии нужны, а когда-то они появятся.

Вернусь в заключение к первой статье. Так же легкодумно и легкогово Э. Лимонов заявляет, что наша перестройка, по сути дела, есть результат... чего бы вы думали?.. «всех психологических холодных войн, результаты семидесятилетней враждебности Запада и СССР. Плюс сильнейшее давление своего собственного среднего класса — советской буржуазии, традиционной прозападной настроенной, жаждущей власти». Ну что здесь сказать? Как раз недавно читал я в «Знамени» статью кандидата философских наук Е. Старина — «Угрожает ли нам появление «среднего класса», где этот вопрос рассматривает не с налета, а профессионально, как и подобает ученому. Так вот к какому выводу приходит автор этой статьи: «Вывод: в той социально-экономической системе, которая у нас сейчас существует, появление «среднего класса» в принципе невозможно». Да и мы, простые люди, живущие в стране, что-то не разглядели никакого среднего класса, а тем более какой-то «советской буржуазии», которую где-то увидел в своих снах на родину Э. Лимонов.

Ну после всего сказанного не удивительно, что Э. Лимонов разделяет взгляды одной ленинградской дамы, названной им «защитницей прав человека», будто бы сказавшей ему в разговоре: «Но наш Президент Горбачев — сам крупнейший антисоветчик». С чем он согласился, сказавши: «Боюсь, что да». Опыт безответственной личности, которой, правда, уже не поражаешься, таков, видеть, стыл и образ мышления.

Что-то противный остался осадок от всех этих откровений Э. Лимонова... Может быть, не стоит ему учить нас, как жить? Может, мы сами разберемся, без его помощи, хоть он и не так глуп и невежествен, как иные бывшие его соотечественники, и оставаясь на его совете все его высказывания, прочтешь которые было всякими довольно любопытно, ежело бы не осадочек, оставшийся от всех его поучений. Мы же все это «проходим», испытывая на собственной шкуре, и не Лимонову учить нас. Мы без них знаем, чего мы хотим и к чему стремимся.

ВЯЧЕСЛАВ КОНДРАТЬЕВ

МОЖЕТ БЫТЬ, ОБОЙДЕМСЯ?..

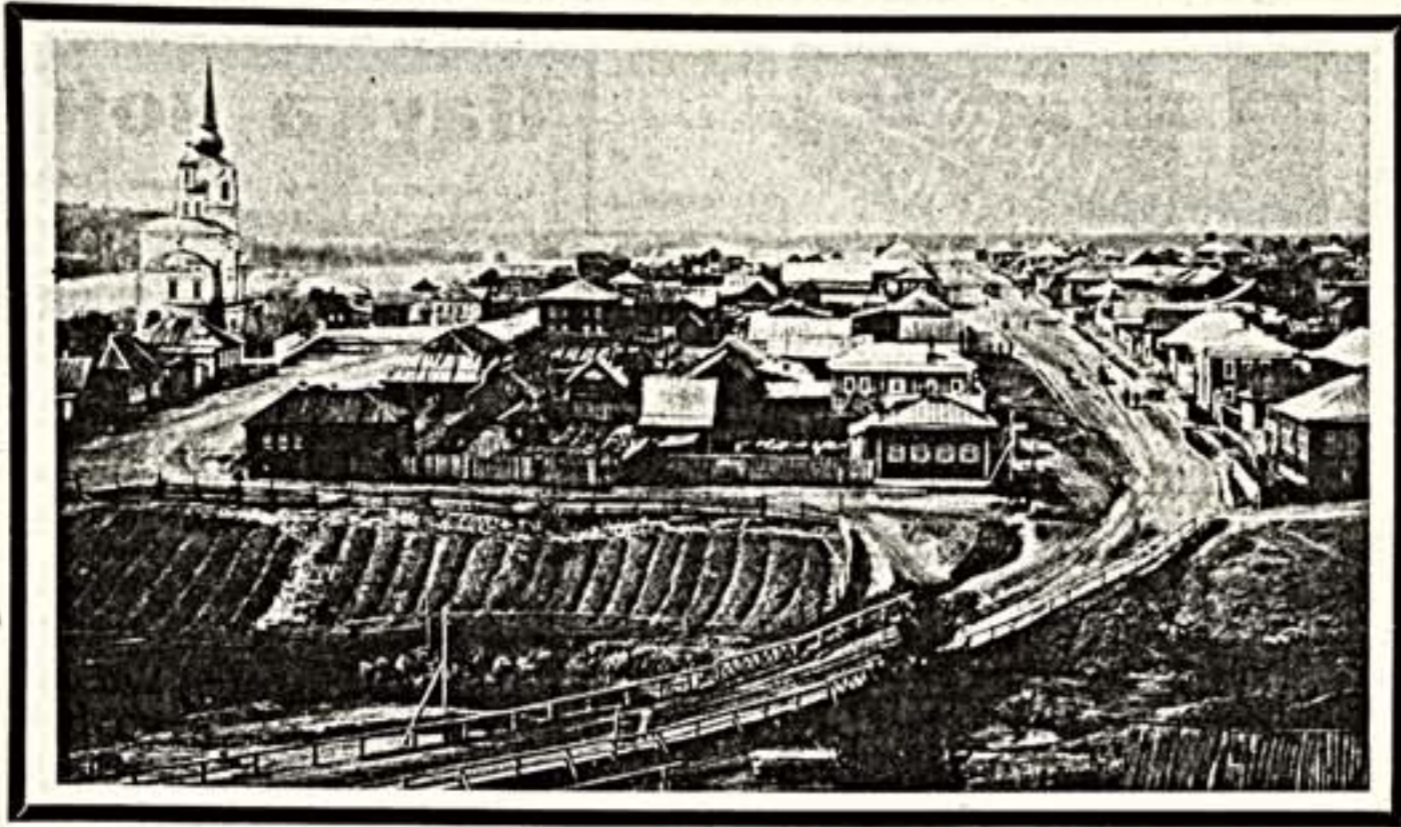
лигенты, припечатал нас Эдичка! Но как ни «глупы» мы и не «неужесточенные», но-то не припомнить нам, чтобы другие государства и системы вели такую беспощадную войну с собственным народом, которая уничтожила за время своего существования около ста миллионов своих граждан. Или это неизвестно Э. Лимонову? Или вообще подлаживаю и гнусовато говорить так о многострадальной русской интеллигенции, на которую обрушился самый жестокий удар режима и которая за пять лет перестройки доискала правды и благодаря гласности донесла эту правду до народа. И вот эту святую очистительную работу наших историков и публицистов назвать «рытьем», то бишь подпольем, под фундаментом не только советского, но и почему-то «российского» государства... Побойтесь Бога, Лимонов!

но что ожидать от человека, который гораздо больше жалует «отеческую организацию» — НКВД, которая «была практически вырезана в 1936—1953 гг., то есть «страдала» со всем народом и даже более его (разрядка моя.— В. К.), чем миллионы рабочих, крестьян и той же поносимой интеллигенции. Поблагодарим Э. Лимонова и за эти перлы. Видать, дороже ему 20 тысяч гистов-палачей, расстрелянных дружин палачами. Ну а что насчет 63-го года, то неужесточено не знать, что тогда расстреляли только Берия и нескольких

его приспешников высокого ранга, а в целом аппарат этого учреждения сохранился, не исключая, быть может, уволенных или отправленных на пенсию, но не пошедших никакого наказания за свои кровавые дела. Да, как «пострадала» родина Лимонову по крови работники органов!

«Совсем новый объект ненависти», — пишет Лимонов, — Советская Армия. Нападения на военный персонал, на офицеров и солдат сделали важнейшей частью советской криминальной хроники. Армия, по сути своей, инструмент наведения закона и порядка... Разве так? А мы-то думали,

что армия существует для отражения внешнего врага. Что-то путает тут Э. Лимонов — армию с любовными его сердцу войсками МВД. И не «ненависть» выражает наша печать, а боль и тревогу за армию, в которой пыльным цветом расцвели и деловички, и преступники, и коррупция, результатом чего явилась гибель тысяч солдат в мирное время. Что же, молчать об этом? Загонять болезни внутрь? Вам-то, что, в далеком Париже, ваш сын, ежело он есть у вас, не пойдя служить в эту армию, а ежело бы пришлось — как бы вы заехали? Вы разве не видели или не читали о несчастных матерях, пикирующих на площадях с фотографиями погибших сыновей?

СТО ОПТИМИСТОВ В ОДНОЙ ЛОДКЕ

ПОСЛЕСЛОВИЕ К АКЦИИ «ВОЗРОЖДЕНИЕ-90»

Путешествие близилось к концу, когда я попросил профессора Сорбиния Филиппа Серса поделиться своими впечатлениями. Вот что сказал этот мудрый человек, много лет изучающий русскую культуру:

— Сердце мое ранено и потрясено. Россия прошла путь невероятного страдания. Убила людей, разрушила памятники, но душу народа уничтожить все-таки не смогли. Уверен, что возрождение вашей страны пойдет по пути восстановления ее великой духовной традиции. А это явление мирового масштаба. Сегодня русский колокол бьет для всего мира.

...Дали были овеяны дымкой. Церковь выплывала из синевато-серых, опаловых пелен туманов. То слева, то справа возникали города и деревни. А пассажиры теплохода «Константин Симонов» ни разу не успели увидеть замечательные пейзажи, когда оживительным спором, суждениям откровенным... Говорили о состоянии нарастающей внутренней ярости общества, о случившейся с нами духовной катастрофе и о том, куда двигаться дальше, как здоровее обществу вернуться.

Второй год подряд организуя акцию «Возрождение», Союз кинематографистов России тем самым хотел помочь нам точнее сопоставить все, что затронуло нас в возрождении. Отечественным творческим силам общества. Вот почему в этом плавании приняли участие не только кинематографисты, но и литераторы, ученые, священнослужители, деятели культуры, представители разных фондов, научных учреждений и общественных организаций, отечественных и зарубежных.

Слушая участников плавания, беседуя с ними в кулуарах, и ловя себя на мысли, что все они являются оптимистами в самом лучшем, самом высоком смысле слова. И что этот оптимизм есть прямое производное их веры — Россия была, есть и будет жива.

Конечно, они с успехом могли бы дискутировать и в Москве. Но тогда не было бы в разговоре главного участника — реально неприукрашенной России — несытой, раздражаемой бедями, застывшей иррациональными дымками. Россия прекрасная и страдающая. Когда мы лыли свинцовыми водами рукотворного моря, поглотившего город Мологи, десятки сел и деревень, вероятно, многие подумали о том, что наша сегодняшняя жизнь поразительно похожа на пересторженную плотинами реку, зацветающую сине-зелеными водорослями. Прибыли в Кириллов — и тут красноречивые аналогии просматривались: уродливые трубы асфальто-бетонного завода и сорока метровых, копоть на прекрасных стенах Кирилло-Белозерского монастыря. Из соображений, чтобы избежать этого, пить воду опасно. Старожилы Фералитова говорят, что и фреска Дионисия на портале собора Рождества Богородицы на глазах тускнеет. Сюда дотягивается ядовитыми дымками Череповец, ежегодно выбрасывающий в воздух 600 тысяч тонн вредных веществ.

Малые российские города, некогда славившиеся красотой, умелым, здоровым укладом жизни, повержены в задушение и разруху десятилетиями ошибок, некомпетентности, лжи. Стилем их жизни стали апатичная исполнимость, притерпелость, всеразъедающее равнодушие. Немало тому свидетелем открылось нам во время плавания — от оскверненных могил в Горичком монастыре до зияющего провалами окна Дома-музея В. Березина в Череповце, который никак не могут отремонтировать... Как замечательна встреча с местной общественностью костромской славянолюбивой семьи (Воронин), спасти российское городишко нужно прежде всего от нас самих. Ибо наша среда обитания отражает инфантизм нашей души.

Как же поднять уровень духовности? Об этом на борту теплохода и во встречах с жителями Череповца, Кириллова и Кострома говорились больше всего.

Воронежский кинодокументалист Владимир Герчи-

И. МЕДОВОЙ.
(Наш спец. корр.)
Фото автора.

товары» расположился в доме купца Злыгостева, а столовая заняла бывший дом председателя земской управы. В Николаевском же мужском монастыре власти разместили колонию для несовершеннолетних...

Четыре года назад, когда Постников был избран депутатом областного Совета и издался за восстановление церкви, понимали это не так: неужели нет забот поважнее? Оказалось, нет. Восстановление разрушенного имеет для Верхотурья экономическое, а не только нравственное значение. Жили же предки нынешних верхотурцев за счет «туризма» тех лет — паломничества.

Два важных для жизни города события произошли в последнее время.

В 1987 году начались активные реставрационные работы. Впрочем, слово «активные» верно лишь в сравнении с полным отсутствием таких работ прежде. Дело продвигается очень медленно — гораздо медленнее, чем процесс разрушения.

И второй. В линии судьбы Верхотурья вновь, как десятилетия назад, вплотную сближаются судьбы людей, ушедших от мирской жизни. Николаевский мужской монастырь был возвращен епархии. В городе появились люди в черных рясах, клобуках и с удивительно молодыми лицами.

Сейчас обитателей монастыря четверо, и ни одному еще нет и тридцати. Должность наместника монастыря исполняет отец Тихон. Когда-то он носил длинные волосы, в компании друзей-металлистов гремел цепями в подмосковных электричках. В 16 лет ощутил в душе пустоту. Зашел в церковь. В 25 лет стал монахом.

Кто-то не поверит в искренность молодого человека, кто-то покажет его, а кто-то, может, скажет: «Знаем мы эту монашескую жизнь!»

Какая же она, монашеская жизнь? Очень ранний подъем, молитвы — и за работу. Вечером — братская трапеза, небольшой отдых. Читают книги, слушают музыку — духовную, симфоническую. Хотят приобрести телевизор, чтобы быть в курсе событий, не отгораживаясь от наших общих проблем, тем более что наместник монастыря — депутат городского Совета...

Но главное дело обитателей монастыря — восстановление своего дома. По профессии они оказались каменщиками, малярами, штукатурами. У них немало помощников. Верующие жертвуют деньги, деятели культуры собирают деньги — тысячи. А нужны миллионы. 50 миллионов.

Верхотурцы отправили письмо Президенту страны. Они просят перевести их город в ранг уникальной исторической территории. А это значит, что город Верхотурье будет не областного, а республиканского подчинения, что средства на восстановление будут выделяться ему непосредственно республиканским правительством. Доходы будут освоены от налогов. Все земли и памятники перейдут в собственность района.

Это было бы спасением для Верхотурья.

...Я ШЛА вдоль монастырской стены. Город заспал. Тишина стояла такая звонкая, словно только-только утих колокол. Но она пока не звонила...

М. РОМАНОВА,
Верхотурье, Вологодская область.

«Что ни город — то норов», — говорили в старину. И в самом деле у каждого города, пусть даже периферийного и невеликого, был свой образ, свой характер, собственный стиль жизни. Славилась умелостью мастера, кипели колокольней ярмарки, из поколения в поколение передавались традиции. И всего лишь за несколько десятилетий многое из того, чем гордились, утеряно.

Об этом рассказывают в своих письмах наши читатели. Для большинства из них в малых городах воплощен образ Родины со всеми ее болями, радостями, печалью, традициями, надеждами. Письма наводят на размышления о том, почему мы не властны определять судьбу своих городов и зачастую — и свою собственную; как нам возродить утраченное — традиции, лад жизни, самодельность и самоуправление, как сделать общество здоровым и счастливым.

Наиболее интересные из этих посланий редакция намерена публиковать и таким образом составить своего рода Энциклопедию провинциальных городов. Пишите нам о дорогах вашему сердцу малых городах, об их истории, традициях, культуре, ярких людях. Авторы лучших очерков ждут премии.

стью, семья не была сослана в Сибирь.

Вплетаются одна в другую судьбы людей, разделенных временем, взглядами, характером, и как мелкие черточки на ладони, складываются в линию судьбы. О купеческой семье рассказала мне староня Верхотурья Зоя Александровна Коноулина, красавица, работавшая заведующей районным отделом культуры. Она еще помнит, как на знаменитую Верхотурскую ярмарку, на центральную площадь городка (сейчас там парк) съезжались со всех сторон подводы, и было их так много, что задрядили они улицы — не перейти на другую сторону.

Девочкой, только-только после школы, собралась Зоя Александровна на фронт медсестрой. «Умные» люди говорили: «Останься, не ходи, пожелай!»... Что же, за четыре года узнала она жизнь со всех сторон. А потом — вернулась в Верхотурье. Сошла с поезда и пешком от

род ежегодно. Местные жители создали, говоря современным языком, мощное гостиничное хозяйство и по сути существовали за счет паломников.

Вписал свое имя в историю города и Петр I. Его указом Верхотурье в числе всего трех городов Руси было разрешено возводить в дорогом тогда камне, чтобы не страдал от пожаров. Так возвысился царь сибирский городок. А потом стал «виновником» его упадка. Ведь именно по приказу Петра искали и нашли более удобный путь на восток, и прошел он южнее прежнего. И в XVIII веке основали там новый город. Екатеринбург, ставший Верхотурью счастливым соперником.

Городок постепенно захирел, и в XIX веке известный русский гражданин писал: «Верхотурье, один из отдаленнейших городов Пермской губернии, потерявший в уральских горах, занесенный снегом и так отстоящий от

Верхотурье

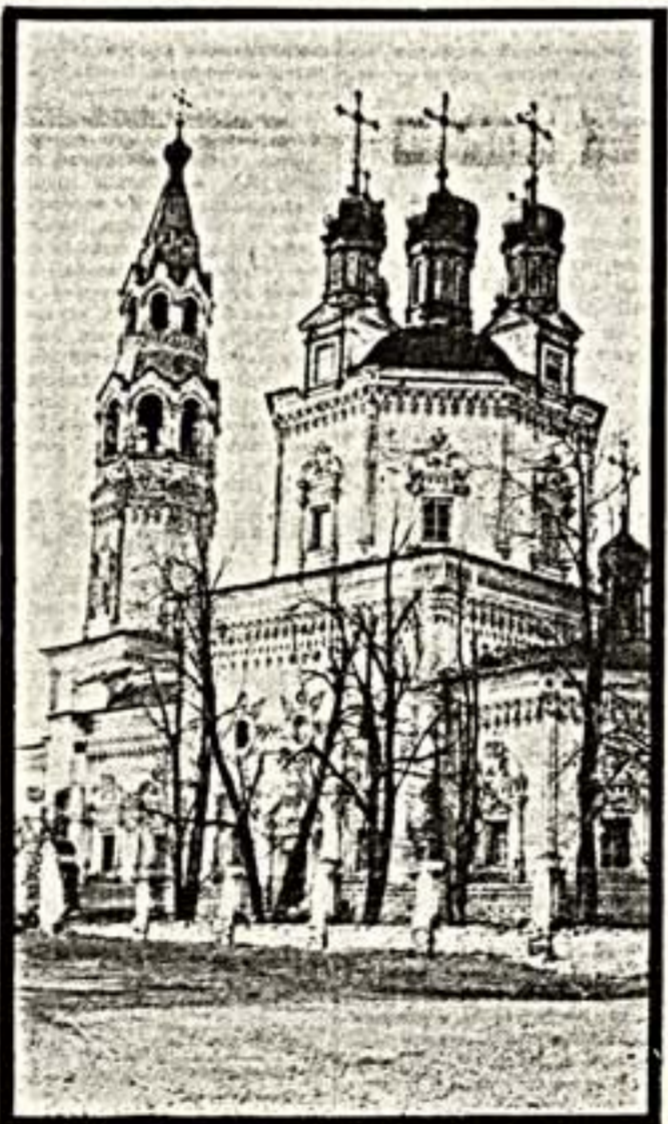
всяких дорог, что зимой почти нет никакого сообщения». Для Александра Герцена уральский город едва не стал местом ссылки.

В начале же нынешнего века Верхотурье вновь прославилось. Не часто встречается в истории случай разрушения храма всего за полвека, да еще такого, как Крестовоздвиженский собор, который по вместимости уступает лишь Исаакиевскому. Строили этот уникум всем миром. Богатые жертвовали тысячи, паломники считали своим долгом бесплатно поработать. Николай II лично субсидировал строительство, ведь велось оно в честь 300-летия дома Романовых. Царица Александра Федоровна выдвинула собственноручно выданный призыв. Царская семья собралась прибыть в уральский город на открытие собора. Этому помешала первая мировая война.

А НАЧИНАЛАСЬ судьба Верхотурья с крутого берега Турь. Пришел сюда в конце XVI века в поисках короткой дороги из европейской России в Сибирь, Индию и Китай первооткрыватель Артемий Бабинюк. И путь, которым прошел он, до сих пор называется «Бабинюкская дорога».

Город быстро рос и богател. В нем была учреждена таможня, и купцы десятую часть своего товара оставляли здесь. На Туре построили судостроительные мастерские. Городу были даны герб, собор на серебряном поле и стрела.

ЗА ОГРАДОЙ Свято-Троицкого собора, самого древнего в Верхотурье, уцелевшего и несколько надгробных памятников, и на них повторялась фамилия «Мушляны». Богатая, культурная, образованная купеческая семья очень много сделала для города. Даже современная библиотека основана на бывшей купеческой, что насчитывала 13 тысяч томов. А еще помнят старожилы двух сестер Мушляных. В годы гражданской войны, когда город был захвачен белогвардейцами, они спасли красного комиссара. Потом ворвались коноха вывезли его из города. Может быть, это «зачлось» им Советской вла-

правилась домой — а пути не один километр. Подошла и река, разлилась, помыла ноги и, когда нагнулась к воде, услышала, как далеко-далеко по дороге стучат копыта. А раз услышала — значит свои, отец! И бросилась навстречу...

Я СТОЯЛА на крутом берегу Турь, Троицком утесе, откуда начинался город. Мост через речку печально перекинулся с каждым шагом осмелившегося пройти по нему. У меня за спиной — бывший Троицкий кремль. Бывшие торговые амбары — позже занятые «Сельхозтехникой». Бывшее здание местного воеводы и головы — ныне райсовет. А еще дальше — Свято-Троицкий собор, взятый под охрану ЮНЕСКО. Говорят, недавно в него ударила молния. Раскрыла купол и сбросила на землю не один пуд цинка, что готовился в Англию по специальному заказу. «Знаемие», — говорят жители.

— Это предприниматели нам, — считает председатель райсовета Леонид Васильевич Постников. — Когда на золоте спит, и золото приключается. А золото наше — старинные храмы да величественные природные ландшафты — требует чистки и ухода. По другому городу пройтись — все только советское, ничего русского. А у нас «русскость» эта, хоть в развалинах, да сохранена. 30 церквей только по окрестным селам было в районе. Что же нам-то сделали? До сих пор кормимся тем, что до революции создано. Гастроном — бывший дом купца Шведова. Магазин «Культ-

В обиде на Родину? Как попасть в переплет

Прочитал в газете за 29 сентября письмо П. Виноградова «Стала Родина мачехой», и оно всколыхнуло память о давно прошедших днях. Я тоже приехал на Родину 18-летним в тот послевоенный, 1947 год, когда только что отменили карточки и прошла реформа денег. Я, как овец, и в этот период прожил месяц в пустом лагере с полнотам под Находкой и месяц мара в теплушке, проведав павк в первую же неделю. Много было тяжелого и непривычного для нас, приехавших совсем к иной жизни в тогдашнем шестилетнем Шангае. Многие, очень многие на тех пяти партий репатриантов 47-го издания бесследно, и лишь память родственника и справки о реабилитации по-прежнему остались едва различимым следом из жизни.

Было трудно, было тяжело, было порой невыносимо — тут даже мнения быть не может. Безболезненно адаптировались мы, репатрианты, к безжалостной действительности. Это так! Но, простите меня, мой дорогой земляк, при чем здесь Родина? Что, она, истерзанная войной и репрессиями, должна была встречать как гостя ирриг, роскошным особняком, равновеликим кирдасам? Кто все это делает, если не мы сами, ибо Родина — это не только географические координаты земли, но и люди, вы, я.

Легче всего сказать, как это сейчас модно: «Свалось как а иза бугор», в тут пусть все идет своим — нет жизни! Но, помилуйте, это не Родина, и если не мы, то кто? Я не достигшие высот карьеры. Мне тоже было страшно тяжело. Было время, я неделями питался лишь одним черным хлебом с солью и кипятком. Я оборвался до ишчества: ходил в худых кирзовых сапогах и старой военной

шинели, купленной у пнянцы на рынке. Я чувствовал, что мой уровень образования, культуры, позавидна выше многих окружающих. Это я и старался передать другим. И если я за свою жизнь завалил задумавшие над этим вопросом хотя бы одного человека на Родине, то я свою функцию выполнил.

Когда я уезжал домой, вся моя родня осталась по ту сторону границы. Они меня убедили, что а делало непоправимую глупость. Многие из них живы и сейчас. Да, они живут гораздо лучше меня и по-прежнему считают, что я пошел не той дорогой. Я не занимал ни роскошной дачи, ни пловозной автомашины, не стал ни государственным деятелем, ни крупным дельцом, у меня нет счета в банке. Но я у себя на Родине сею значок, разумное, доброе, то, что было твердо семь десятилетий тому назад.

За это время я окончил два вуза, создал семью, воспитал детей, написал много научных трудов, много занимался общественной деятельностью. Все это тоже доставалось мне очень трудно и шло не так гладко, как а сейчас пишу. Но все надо добиваться и там, за границей, это тоже так просто не дается.

Не бросайте обидных слов Родина — она не виновата, что долго не вела нас в ту сторону, где мы сейчас. Но я и Родина — она одна, и дети ее разбросаны по всему миру. Это не Родина оплезывала Шалашина, Бунина, Азарченко и многих других, а временщики. Они приходят и уходят, а Родина остается.

Георгий ЗАЙЦЕВ, кандидат искусствоведения, СВЕРДЛОВСК.

Читательское письмо

Вы пишете о книжном голоде, бюджетном дефиците, а знаете ли вы, что множество любителей книг, не имея возможности приобрести желаемые произведения, вынужденно подписываются на журналы, где эти произведения опубликованы на будущей год. Большинство из читателей журналом не интересуется, преследует одну единственную цель: выразить и переплетать.

Некоторые журналы, стремясь привлечь к себе подписчиков, умышленно растягивают печатание популярных произведений на годы. По сути, они печатают книги, которые и должны выходить в «собственном облике» и вставать на наши и библиотечные полки.

Резонно услышать возражение: мол, бумага, картон, клея, колликовка не хаваат. Ошибаетесь. Эти же самые исходные материалы — основу на себя смелость сказать — с неоправданным потерям и материалов, и времени давно используются кинголюбам.

Пусть это мое субъективное мнение, но слово кинголюб в последнее время приобрело своего рода коммерческий характер. Добываемые разными путями, в том числе и неправедными, кляватор, клеветки, составы, бумага используются для кустарных переплетов.

Так не крайность ли это: превращать всю страну в кустарную переплетную мастерскую, вместо того чтобы выпускать книги в готовом виде на промышленной основе?

В. МУСАТЯН, военнослужащий, МУРМАНСК.

Шандор Петефи погиб под Шегешваром

При деятельном участии газеты «Советская культура» наконец-то подведена черта под так называемой «баргуниской» версией гибели венгерского поэта Шандора Петефи. Напомним читателям, о чем идет речь.

Петефи пропал без вести на двадцать седьмом году жизни в сражении с русско-австрийскими войсками под Шегешваром 31 июля 1849 года. Но вскоре попозали по Венгрии слухи, что, мол, не зарыл он в общей могиле на поле боя, а раненым попал в плен и томится в рудниках далекой Сибирь. Находились «свидетели», будто бы встречали Петефи под именем Александр Степанович Петрович в разных местах Российской империи.

«Петефи-Петрович умер в Баргунине в 1856 году и похоронен на тамошнем кладбище», — заявила в 1940 году бывший венгерский солдат первой мировой войны Ференц Шингель, заброшенный

Солдаты не виноваты

В рубрике «Из почты недели» (6 октября) мы предлагаем читателям газеты откликнуться на письмо В. Волкова из Аниски. Он считает, что памятник «воин-интернационалистам, погибшим в Афганистане, будет «указывать» трагическую ошибку» нашей страны. Я с ним не согласен: памятник должен быть, и его назначение — не забыть тех, кто погиб в Афганистане, несмотря на выстраиваемую имидж-политику, погубивших во Вьетнаме. О том, что эта война была позором для США, знает весь мир, но память о погибших воинах для страны важна!

Довольно давно в газете «Правда» я видел фотоснимок, где изображена стена, установленная на кладбище (Камчатка, в Вашингтоне). На ней выгравированы имена всех воинов, погибших во Вьетнаме. О том, что эта война была позором для США, знает весь мир, но память о погибших воинах для страны важна!

Итак, где же теперь искать захоронение Шандора Петефи? Скажем определенно: в британской могиле под Шегешваром. Именно эта официальная версия смерти поэта сейчас является наиболее вероятной или, точнее сказать, единственной.

В. ЗВЯГИН, заведующий физико-техническим отделом НИИ судебной медицины Минздрава СССР, доктор медицинских наук, Д. АЛЕКСЕЕВ.

И снова о кухарке

В диалоге корреспондента газеты и народного депутата СССР академика Ю. А. Рыкова «Ожидается ли Ревенсант?» (25 августа) поднимается вопрос действительно огромного значения. И тревога ученого, и его сомнения по поводу возрождения культуры мне близки и понятны. Но не со всеми суждениями и выводами, как мне кажется, можно согласиться.

Во-первых, почему-то стало традицией искать мысли и высказывания классиков марксизма-ленинизма. Слова Маркса «Религия есть опиум народа» даются как эпиграф к статье. Теперь в вышеуказанном диалоге Ю. А. Рыков говорит следующее: «Тогда верх выдвинул тезис — пусть государство управляет кухаркой, причем кандалы». Уважаемый академик здесь интерпретирует над словами В. И. Ленина, искажая и буквально сокращая, смысл высказывания Ильича по поводу управления государством злосчастной кухаркой. Прощу прощения, что должна буду предложить длинную цитату.

Вот что говорит Ленин: «Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас вступить в управление государством. В этом мы согласны с идеями, и с Брешковской, и с Церетели. Но не со всеми из этих граждан тем, что требуют немедленного разрыва с тем предрассудком, будто управлять государством, нести бремя государственной работы — это в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники. Мы требуем, чтобы обучение делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами и чтобы начато было оно немедленно, т. е. к обучению этому немедленно начали привлекать всех трудящихся, всю бедноту! («Удержат ли большевики государственную власть?», т. 34, с. 315). Вот действительные слова Ленина, и не нужно иметь семи пядей во лбу, чтобы понять разницу подлинника и его интерпретации.

С. ШАКЕЛИНА, КОСТРОМА.

«Редкий каадр»

Послушаем Беири Талибова из Махачулы: «Заваяло со всей ответственностью, что на фотографии — выдающийся индийский писатель Рабиндранат Тагор, посетивший в сентябре 1930 года Советский Союз». Так точно, товарищ Талибов, он!

О визите индийского мудреца, поэта, общественного деятеля рассказывается во многих письмах. И о том, что с ним приехали его племянник и дочь Альберта Эйнштейна, и о том, что свои впечатления Тагор изложил в книге «Письма о России», тут же запрещенной британскими властями. Читатели, склонные и юмору, припомните, как Остап Бендер, рекомендовавшийся в своих афишах как лекционер Ф. Тагора, встречался с ним индийским философом, превращаясь к нему (уморительная смешная сценка в «Золотом теленке» Ильфа и Петрова).

Но если серьезно, то мы очень долго осведомленности публики. О замечательном человеке не забыли, хотя он и не пропал и не ушел в советское время. А между прочим, лауреат Нобелевской премии 1913 года. И тот сборник, за который Тагор получил эту высокую награду, выпущенный (!) в течение одного только 1914 года выходил в России!

О его жизни и воззрениях написано много, интересующиеся — найдут. Да и уже наша, судя по некоторым письмам, содержательным, подробным. Но наше дело — просто и весело: погреть и выгнать, не так ли? А Комаров из Ульяновска просит опубликовать фамилию правильно отвечающих, чтобы знать, дойдет ли открытка или письмо. Александр, это невозможно. Почта обильна. Но картотеку мы ведем, и победитель всех (или наибольшего числа) туров — не боится, не потеряем. А пока подыскиваете каждый сам про себя, слыхая свою версию с правильным ответом.

Теперь — слово Ж. И. Зубовой из Куйбышева: «Выполнила два ваших задания, жду третьего». В. В. Малахин, юрист, москвич, тоже ждет и даже забегает вперед: «Вероятно, следующим в «редкий каадр» попадут девятки, тоже прижившиеся и нас с Западе в то же время». Вероятно! Но не фект.

Мы — рядом

Милая Мария Владимировна! Так мы хотели обратиться к М. Мироновой. Мы — это два старых друга, обеих зовут Ирины (разными отчествами: Владимировна и Федоровна), счастливы тем, что в самом главном взгляде наши сходятся, а за двадцать лет мы не надоели друг другу. Обе мы уже немолоды. Как и в всяком, были в нашей жизни и светлые дни, и потери, и восторги, и горе. Но и сейчас не перечисляем все прошлое, не поддаемся пенсиям и сжиданию. Надо жить. В теперешнее безвременье, когда взблеснула страна терпит уже и надежду на «свет в конце туннеля», так дорого устное слово доброго человека.

После Вашего интервью («СК» от 3 ноября) вступили многие друзья, вставшие по интеллигентности, людям с настоящей, непозорной культурой.

В свое время мы не пропустили Ваших с Александром Семеновичем Менакером выступлений — ни «жизнь», ни по телевизору, читали и читаем все, что было и есть о Вас.

Моей маме 83 года, у другой Ирины мамы уже нет, поэтому моя — одна на нас обеих. Вы бы слышали, с какой нежностью и уважением говорю о Вас маме!

А гибель Андрея она пережила так, как если бы он был ей родным, при его имени у мамы сразу влажнеют глаза. Это еще и потому, что была в мамной жизни и такое горе...

Помните — если вдруг когда-нибудь, где-нибудь, в чем-нибудь понадобится наше участие, наша помощь — мы вот они...

Да хранит Вас Бог!

Ирины — ИВАНОВА и МАРКОВА, МОСКВА.

На бога надейся. А сам?

Ах, как красиво описал В. Силин «маленький зом в селе» (29 сентября). Особенно его восхищает отсюда видны золотые купола построенной в селе Терновом новой церкви. Конечно, это дело вкуса, но мне, например, хотелось бы видеть со всех сторон и во всех населенных пунктах не столько купола новых церквей, сколько добротные, благоустроенные жилища, школы, больницы, физкультурные сооружения, крытые бассейны и даже (страшно подумать!) ватки с искусственным льдом, которых в Канаде, в одной только провинции Альберта, больше, чем во всей нашей стране.

Ну, да бог с ними, с бассейнами и ватками — сооружаемым на первой необходимости. В. Силин восхищается тем, что Анна Осиповна Сухинина, «выбыв» материалы для строительства церкви, становилась на колени перед мальчишками и девочками.

Ленин и помолчалась, попросила бы у господ бога, чтобы сыпнул бы ей с небес вместо манной — кирпич, уголок, цемент, доски, гвозди и пр. И пришлось бы тогда земным начальникам отывать строительные материалы от жилья для беднячек, которых показывали вчера по телевизору, от больницы для детей, особенно пострадавших от радиации, от школ, переполненных сверх всякой человеческой нормы студентами. А здоровье народа — это высокая производительность труда, это возможность накормить всех земными плодами, и не манной небесной. Надежда же на бога может превратить колокольный звон из миллионного в погребальный.

Сергей Есенин писал: «к молиться не учи, не надо, а старому возврата больше нет». Не получился, а сомалено, из поэта пророк.

И. САМСОНОВ, ЛУАНСК.

Убийца ждет суа

10 февраля в газете была опубликована заметка «Щедроты души — о гибели М. Ф. Заринской, старшего художника и педагога, замечательного человека. Смерть наступила в результате инфаркта: гробовщик, ошканди, ждал, что тут спрыснут драгоценности. Ленинградское телевидение, где проработал сюжет об этом жестоком преступлении, справедливо и с горячностью заключило: мальчишки не там искали познания, Мария Федоровна обладала только ценностями духовными и не копала их, а отдавала людям. Убийство произошло в сентябре 1989 года, а заметку «Щедроты души» мы напечатали в феврале 1990-го, когда М. Ф. Заринской исполнилось бы 90 лет. В постскриптуме скорбной заметки было сказано, что до сих пор убийцы не найдены.

И вот мы получили известие из Ленинграда: «Подлагаю заказным образом проинформировать читателей газеты, что преступники, совершившие из корыстных побуждений умышленное убийство М. Ф. Заринской, установлены. Уголовное дело направлено для рассмотрения в Ленинградский городской суд».

Старший помощник прокурора Ленинграда

В. С. МОРОЗ.

Страницу подготовила Г. Ужова.

Обычный рейс.

Наука нон грата

Я с интересом прочел публикацию Н. Русаковой «Сад за бетонной стеной» (29 сентября).

Я накануне обзвонил несколько десятков учреждений с вопросом — требуют ли им психологи — и получил ответ: «Нет, не нужны». Наше общество, обладающее низкой психологической культурой, не желает менять что-либо в этой сфере. Потому даже столь немногочисленные психологи в нашей стране (около 5 тысяч) зачастую остаются без дела, хотя, допустим, в США их около 150 тысяч, и они находят себе применения.

Почему психология оказалась персона нон-грата в нашей стране, легко объяснить. Эта наука высвечивает личность, показывает сильные и слабые стороны человека. А, видимо, это и не очень желательно: если в нормальном обществе человек имеет заслугу благодаря своим способностям, то в нашем зачастую благодаря их отсутствию.

Б. ИЗМАЛКОВ, психолог, МОСКВА.

Чем черт не шутит

Обратиться к вам меня вынудила статья «Щедроты души» (17 октября) под редакцией нашей газеты прижизненно «Спасите наших друзей» От кого? От чего? И что, собственно, случилось? Сотрудникам Ульяновского музея имени И. А. Гончарова дали мало колонок деревянных с борта и кормы знаменитого фрегата «Паллада»!

Если уж ставить вопрос, то надо спасать наши души от невежества «археологического беспредела», неуважения к памяти предков, не защищенных от своих потомков ни моральными, ни законодательными нормами.

Чего проше, казалось бы, заказать судомоделистам модель фрегата «Паллада» и выставить ее в музее. Нет! Работники культуры требуют «борт и корму» — не больше, не меньше!

Поклонники должны лежать в своих могилках, там, где закончилась их жизненная строка. А самозваные экспедиции энтузиастов, составленные из людей неподготовленных, наносят только вред.

С легкой руки самозванцев от «походной археологии» по стране пошел гулать слух о возможности подыма фрегата «Паллада» чуть ли не в целом виде, устроенная в нем музей. Никто из этих энтузиастов фрегата не брай в руки ни одного архивного документа о постройке фрегата, его преддвинутой судьбе, истории появления фрегата в Императорской гавани. Боюсь, что все ограничилось передачей из рук в руки живальщины библиотечной книги И. А. Гончарова и глубокомысленного вывода: «Чем черт не шутит...» А отсюда латорогодые попытки выполнения работ по расчистке корпуса фрегата, горе непоказанных деревянных и металлических деталей набора и приведение этого корпуса в аварийное состояние.

Заполненный в январе 1856 года сланный фрегат обследовался в 1888 году, а затем в 1914-м. В советское время водолазы осматривали фрегат в 1940 и в 1947 годах. Последний раз обнаружилось, что корпус вросло в ил более чем на 6 метров и на три четверти он разрушен.

На памятнике, открытом в 1963 году в бухте Постовой (город Советская Гавань), есть надпись: «В знак памяти и глубокого уважения к экипажу фрегата «Паллада». По-моему, тут добавить нечего. И не надо.

Ю. ГОЛОВНИН, капитан 2-го ранга запаса, ЛЕНИНГРАД.

Смотрите внимательно, ЭТОГО человека вы должны, просто обязаны узнать. Пишите письма! Не забудьте пометить: «На конкурс».

Анна — служба будущего

Здесь вас встречают, вас выслушивают,
вам советуют деловые люди,
придают иной размах вашим делам!

В АИНЕ убеждены:

первая услуга клиентам —
это способность разделять
с ними те качества,
которые характеризуют
деловых людей
и которые приводят
к успеху в делах.

АИНА — ассоциация инновационных агентств «Химки» (АИНА «Химки»)
141400, Московская область, г. Икни, улица Курьянцева, д. 3
Телефон 573-83-83. Телекс 411700 РТВ СУ. Телефакс 200-22-16, 291-08-25.
Расчетный счет № 700601 в Икнинском отделении ЖСБ, №02 21628

В АИНЕ поощряют
воображение,

предприимчивость, гибкость.

Здесь не пропадают ни одна
здоровая идея,
ни один смелый проект.

Наша задача — обеспечить вас всем
необходимым для реализации ваших планов.

Ваша задача — принести прибыль!

НАША ПРИБЫЛЬ — ВАША ПРИБЫЛЬ

МЫ УХОДИМ ИЗ-ПОД ДИКТАТА ГОСУДАРСТВА

Обращайтесь к нашим экспертам по международному туризму, культурным программам, новой технике, содействию реализации общественно значимых проектов, рекламе и издательской деятельности, организации международных и всесоюзных выставок с любыми плодотворными идеями, способными принести успех всем нам вместе и каждому из нас в отдельности.
Думайте, думайте, думайте!

ЭСКАРТ

Опубликовать рекламу в нашей газете вам поможет творческое объединение «Эскарт»

Справки по тел.:
285-77-09, 285-39-95

ПРЕМЬЕРА

Как Етушенко похоронил Сталина

27 ноября в 19 часов во Дворце спорта Лужники состоится премьера второго фильма Евгения Етушенко «Похороны Сталина».

полконт английская кинозвезда Ванесса Редgrave, советские кинозвезды — Алексей Баталов, Майя Булгакова, американские, русские, грузинские актеры. Евгений Етушенко снял в роли скупателя.

Фото Л. Гринской.

...И, конечно же, фламенко

Широкую панораму испанского танца и балетного искусства представит начавшийся в Москве и Ленинграде фестиваль «Танцуй, Испания!».

Программа, которую покажут три известные балетные группы, весьма разнообразна. Она включает и классику, и современную хореографию, и, конечно же, фламенко.

Фестиваль открылся одновременно в обоих городах. Москвичи посмотрели первые спектакли Национального балета Испании, возглавляемого знаменитым хореографом Хосе Антонио...

С. САМСОНОВА.

КАЛЕНДАРЬ

«В духе французов»

Среди художников есть такой термин — живопись в духе французов. Все знают, что такое «французизм» в искусстве — это импрессионизм, таче...

Сам Моне, впрочем, не считал себя символом чего бы то ни было. Он просто работал. От зарн до зарн значава, как меняется освещение, посылал дочь за новым холстом, потом это повторилось снова, по-являлся на свет знаменитые серии вроде «Франкские соборы»...

а он и не думал даже чем-либо выделиться среди остальных — внешностью, скажем, или экстравагантностью поведения. Не был он и отшельником от мира отшельником-художником, наоборот, испытывал нужду в контакте...

Они совершаются очень поразному — творческие открытия и свершения. В каких-то случаях — это порыв вдохновения, в других — самоотверженный подвиг, в третьих — работа, работа, работа. И судьбы художников тоже: кто-то гибнет, кто-то в старости наследует роскошь. Однако в конце концов все эти различия не имеют значения, главное — творческие итоги. Вать Клода Моне, стопадидесятилетне со дня рождения которого мы отмечаем, — его облик рисуют его же полотна, и только они. В представлении поколения это будет облик первого «неформала», бунтаря и преобразователя, художника, чья ния стало почти синонимом на правления, которое принесло живописи яркую, незамутненную, свободную и раскрепощенную солнечный свет...

Т. МЕДВЕДЕВА.

К. Моне. Мельница близ Заандама, 1871.

Прикосновение к холодному свету

Он и впрямь холоден — свет на фотографиях Рушии Танама — горничная работ которой сестрандский музей кино столичного киноцентра. Это и отпечатавшие промелькнувшие свавом, и лодка ириличных развалин, едва уловимый маршандский тон колониальной простоты и скульпты чловеческих лиц, галерея автопортретов и «Белый свет» — распахнутое окно, в котором светит холодный свет, быть может, не всяк оставившаяся, но там, которых вы видите Рушии Танама.

Алексей БЕЛЯЧЕВ.

Исповедь

Впервые в стране Черниговский театр для детей и молодежи осуществил постановку повести Велорусского писателя Алексея Алексеевича «Цинковые мальчики».

Молодые солдаты здесь читают женщины (Л. Веселова, О. Гребенюк, Ю. Матросова, Т. Улюшечко, Т. Савицкая). Момент отстранения, большая мера ответственности позволяют брать на себя право принимать решения людей, прощающих через эту войну.

М. НИКОЛАЕНКО.

Впервые в исполнении этого номера соловья еще девочкой в Свердловске в эвакуации. В сущности, это была импровизация, а ничего не учила. С тех пор становилась его несколько тысяч раз. И сплотив выходя, и лицом, и из правой кулисы, и из левой. Надоедал ведь все время делать одинаково, вот и менялся. Ну а руки... Я же слышала, говорили: «Красивые руки у девочек». Ах, красивые! Ну а я давай...

Н. ШАДРИНА.

ОТ ВСЕЙ ДУШИ

Руки-крылья

И лебедь, как прежде, плывет сквозь века... Это строки Ахматовой. Из стихотворения «Летний сад». Но когда он сам по себе, этот лебедь, вне контекста, не окружен единственными садом, розами и клумбой в мире из ограды, легко представить, что плывет он из-за кулис — на сцену. Там впервые выплыла на сцену Анна Павлова. И с тех пор лебедь года плывет этот великий образ, авещивший его всем балеринам.

Нам повезло стать современниками Лебедя Майи Плисецкой. Она показывается сплотив и зрителям, но даже если вы не знаете, что это она, вы все равно ее узнаете. Вам подскажут имя и стать, и руки-крылья...

Враг всяческого насилия, Пифагор сделался жертвой насилия. Пробавя великой путь от Хаоса и Космоса, он шагнул прямо в бессмертие не с того все же падала. Он полетел за то, что опередил Время.

Ремесляр этого спектакля Динамиро Кауэрничко, которого в пору назвать технологом-балетмейстером, потворил тень Пифагора меньше всего с потребностью углубиться в древнюю историю. Напротив, рассказывал о Пифагоре и верный ему ученик, Кауэрничко попытался уже вместе с нами совершить прыжок в будущее. Туда, в Космос, где, спустя тысячелетия, кажется, должно было появиться Хаоса. Увы! Здесь уже начинается наша собственная драма: хаос изрядно приблизился.

В Школе Пифагора ученики, прежде чем стать «посвященными», должны были два года молчать, дабы научиться и слушать и слышать других. Как нам сегодня не звать такого молчалива!

Виктор ГУЛЬЧЕНКО.

БЛОКНОТ РЕЦЕНЗЕНТА

РОССИЯ ДВУХ ЕКАТЕРИН

История всегда назалась мне любовью на старинную вонючку. Я попутательно стою, слушаю и внимаю, во Дворце, в парке, с бородой, с ординаром или безе всего этого. Но знаю, вонючка, все происходящее в нашем броне мире и оправдывает борьбу антигностических классов. А царь и гарон — ни при чем. Но так скучно. Ибо лишнее и наивное на индустриальность. Газета интересней воображает, что судьбы государства и народа находятся на кончике пера великих реформаторов, на истине шагая знаменитых авантюристов или в честолюбивых замыслах блестящих красавцев. Глазное, соблазна меру, быть таинственным по отношению и этик давно ученым людям.

Позже, у антрисы Ирины Чинцова отношения и истории такое же. Только на ее кончике да профан — на аверсе и на реверсе — профили двух Боточин, ави которых замкнул бурные и загадочные, пыльные романтики десятилетия.

Б. СЕРГЕЕВ.

ИТАЛЬЯНЦЫ В МОСКВЕ

ЭПИЧЕСКИЙ СЕАНС

Душа жаждет уединения, отозвонившись от шавель спелых листьев, под которые, куда бы ни ступил, все рано поведешь. Всюду вас призывают принести себя в жертву ради будущего, всюду вам вдалбливают то, во что не верят сами, и вы принуждены слушать, слушать, слушать, но при этом не слышать...

Кажется, совсем недавно в помещении Театра имени Моссовета поразил зрителя великолепным молчаливым и изысканнейшей пластикой спектакль Пины Бауш «Бозидни» в дни фестиваля театров ОРГ. И вот теперь на той же сцене артисты итальянской «труппы разностороннего поиска «Криттон», прибегая к минимуму слов, показали нам действо под сложным названием «Аворема».

Позже, название — единственная для театра спонсор, потому что спектакль, причудливое сочетание образов визуальнотехнических и традиционнотехнических, воспринимается простым и ясным театральным сочинением. Необычность его несомненна, но она — налицо. Она — словно ожившая история античности, где не просто другие люди носили другие одежды, изыскания и общеличные мифы, а сами отношения между ними строились непохоже на наши по существу и по форме и выражали соответственно по-другому.

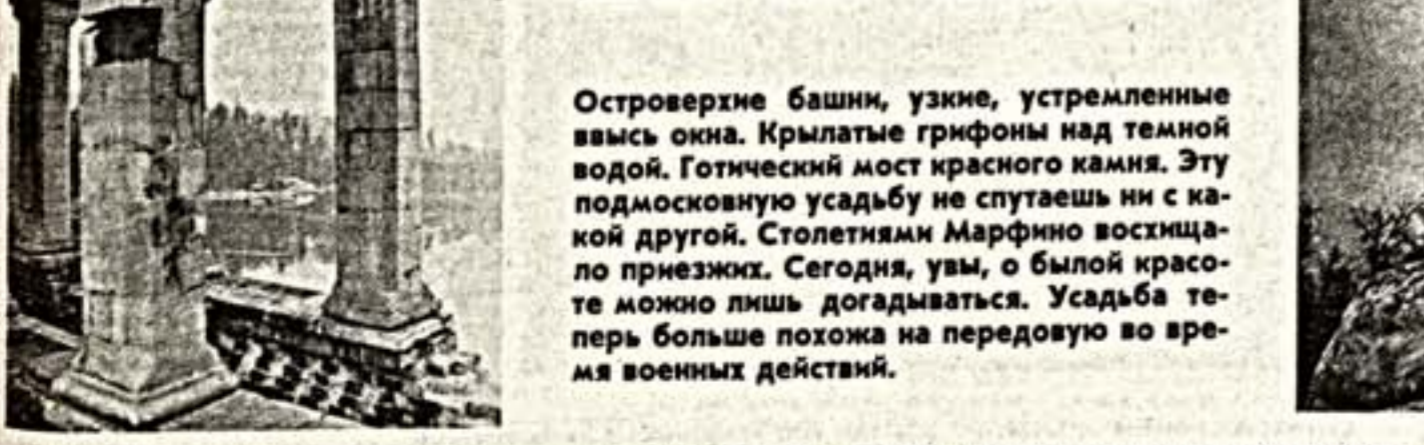
И потому данный спектакль — произведение строгого эпического стиля, бывшего для его героев самым что ни на есть будничным. Аларгой этого спектакля злору поверять гармонично.

Собственно, это тот редкий случай, когда алгабра — суть искусства, когда философия истинно истинна, владеющая умом древнего Пифагора, не отрывается от человеческого, этичного его воззрений. Частота философских оттошений, по Пифагору, средноточивые линии, рисующие джаминизм материи бытия. «Космос» и философия — к

возникновению данных понятий лично причастен Пифагор, мир которого предстает в спектакле итальянцев как «Безвосточный, чуждого гармоничный. Мир этот необычен, подобно Веселому, но в то же время замкнут, интуитив, будто немыслимая, потаенная человеческая мысль. Пифагор является сюда, чтобы попытаться примирить броне с вечным. И надо сказать, в достижении этих целей он преуспел куда больше, нежели это удается ныне живущим, точнее, ныне прозревающим. «Электротантра» «Криттон» демонстрирует более широкую возможность, нежели когда-то поразившая воображение практика «Легенра магика». Время идет, техника совершенствуется. Но драматургия линий, драматургия света были бы малолетними без Выразительного Человека, который сам по себе — Космос. Сплетаясь твентра «Криттон» — еще одно тому

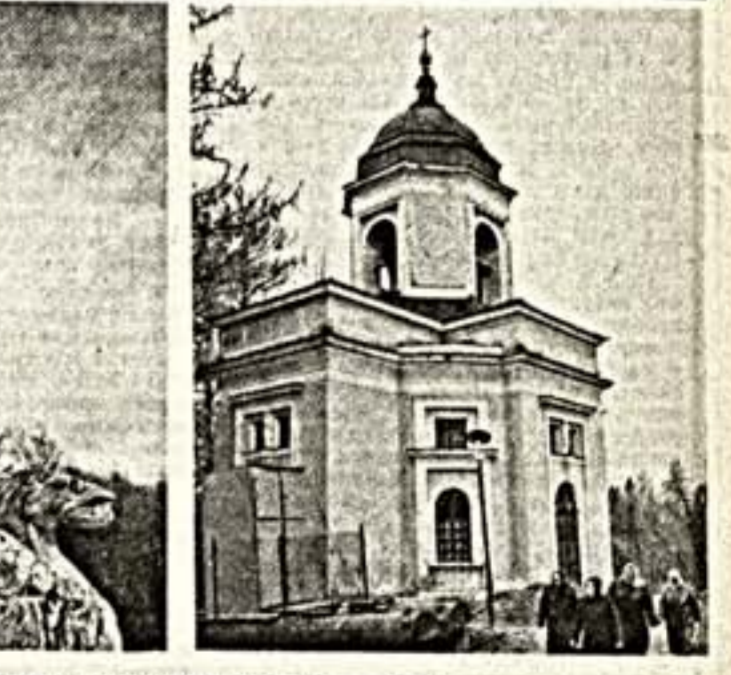
НА ВОЙНЕ КАК НА ВОЙНЕ?

Старые здания — словно после артобстрела. Дороги разъяжены юласами тяжёлых грузовиков. Траншеи, Грели, Грохот моторов. Строится новая кордуса разведывательного в Марфино военного санатория и одновременно реставрируется усадьба. Судя по тому, как работает Студия «Мособстройреставрация», восстановление памятников расстанется на долгие десятилетия.

Островерхне башин, узкие, устремленные ввысь окна. Крылатые грифоны над темной водой. Готический мост красного камня. Эту подмосковную усадьбу не спутаешь ни с какой другой. Столетиями Марфино восхищало приезжих. Сегодня, увы, о былой красоте можно лишь догадываться. Усадьба теперь больше похожа на передовую во время военных действий.

Спросившая о трудностях марфинских храмов, многие люди пожертвовали на их ремонт свои трудовые рубли. На моих глазах в минувшую субботу две москвички передали в церковную кассу пятьдесят рублей — когда-то отдавали в здании санатория, а теперь специально приехали помочь. Перевели деньги храмам на расчетный счет № 701404 Промстройбанка г. Долгопрудного, сохвтом «Мелкинец» и «Цветочный». Две тысячи рублей дали художники Федоскина. Только центральный военный клинический санаторий, который довел храмы до ручки, не выделил ни копеечки. Санаторские руководители действуют в отношении церковной общины по правилам военной науки, не оставив ей шансов на выживание. Объявляли территорию вокруг храмов, оставив лишь крохотный клочок. Как только община решила отстоять бывший приходский дом, руководители санатория тут же объявили его аварийным и с помощью солдат мигом раскатали по бревнышкам. Тем временем, несмотря ни на что, под церковными сводами идет служба, и звучит призыв к самоотдаче на благо ближних, проповедь взаимной любви и мира. Те, кто приходит сюда, чем-то похожи друг на друга. Может быть, потому, что думают о своем внутреннем духовном образе, пытаются постичь тем, чтобы насытить своим प्रतिинимам. Ведь что мелкие победы их гонителей по сравнению с Вечностью...

И. БОРИСОВ.

Фото Н. Медовой.

ПОРТРЕТ

Буквально в нескольких шагах от четвертого блока человек в солдатской рабочей форме. Снимок сделан осенью 1986 года. Вряд ли предположит тогда Валерий Бобков, что и через два, и через три года этот кадр будет вставлен перед ним в мучительные часы под бомбовой канонадой.

КУДА ЛЕТИШЬ, ЧЕРНЫЙ АИСТ?

О ПОСЛЕДСТВИЯХ обучения Бобков, конечно, знал. И сейчас порой вспоминает он дружеское напутствие академика Легосова: «Валера, это небезопасно». Вспоминает и верного друга-дозиметриста, когда тот по истечении разрешенных минут непреклонно выгонял его с площадки. Но не выходя из реактора в любую свободную минуту он не мог. Каза-лось ему, профессиональному живописцу, сама судьба уготовила право на риск. Валерий Бобков четко осознавал, что увиденное им летом 1986 года в Чернобыле никогда не увидит, а через год-два не будет в зоне. «Если не я, то кто же?» — это вовсе не выдумка сильных людей. Это их естество, натура.

В черныбыльский отряд Валерий Бобков был призван военкоматом — оказалась подходящей его военная специальность. Через несколько дней стал «бюроботом». Такое вот чудовищное, в сущности, словечко прилежало к ребятам, которые шли на крышу реактора собирать трафитные обломки. Никакая техника не была способна на это. А уже в сентябре врачи отметили у него лучевую опухоль левой стопы. Там началось его бесконечное лечение по госпитальному и восточным, в том числе и в печально известной ныне «6-й клинике». В декабре демобилизовался, а через полгода принят в вальдшкола II группы. Ему было тогда 37 лет.

Когда я спросила, сколько же времени пришлось провести на бомбовой койке, он сказал жестко: «Легче ответить, сколько было дома. Жена подчитала — не больше полутора месяцев». «Что бы ни говорили, критическое и реалистичное отношение к действительности, достоверные натурные пейзажи В. Бобкова оказались в данном случае союзниками. Пожалуй, непотопляемость сделает их со временем лишь корочкой. И не дай бог потускнеть двум штампам на обратной стороне холстов: «Дозиметрический контроль пройден», «Выход из 30-километровой зоны разрешен».

Свои первые этюды чернобыльского цикла он писал после рабочего дня. Выбирать — солнечный выпал день или пасмурный — не приходилось. Да и выгодную точку искать было некогда. Выбор времени определялся порядком трудовой смены и строгими требованиями не свинять пятнадцать минут при условии работы в месяце. Точку определял дозиметрист. Часто приходилось лишь выглядывать из-за какого-нибудь укрытия. Шаг другой влево или вправо был чреват лишними дозами.

Иногда Валерий успевал сделать за сеанс рисунок цветными карандашами, в другой раз удавался эскиз. Как бы то ни было, прежде всего он стремился быть документально точным. Иногда ловил себя на мысли, что начатое можно было бы впоследствии довести до законченности (любимое прилагательное), но тут же останавливал себя: «Нет, ни в коем случае! Пусть все будет как есть».

Спустя долгие месяцы он понял, что интуитивно оказался тогда прав: попытка обобщенной картины «Саркофаг» не удалась, холст так и стоит в мастерской. Прикосновение к нему свел его кистью самому художнику кажется кощунственным. Чернобыльский цикл В. Бобкова остается одним из немногих художественных свидетельств пережитой всем нашей народом трагедии. Художник дал зарон больше не прикасаться к холстам 1986 года, хотя отлично понимает, что с точки зрения профессиональной и им бы надо вернуться.

— Может быть, придет время, и я напишу что-то. Но знаю, это будет другая картина. Слишком многое надо обдумать. В прошлом году с помощью друзей Валерий вновь удалось прорваться в зону. Поразила изменившаяся ландшафт. Там, где росли деревья, открылись перепаланные пустыри. Трава, сорняки утратили привычные цвета и оттенки. Их нельзя назвать ни зелеными, ни даже бурными. Огромное пространство покрыто тоскливым серо-синим налетом. Кажется, что над бездонным простором навис невидимый зловещий шатер. Говорят, для пейзажиста чрезвычайно важно душевное состояние. Он хотел только взглянуть и тут же уехать, а побывка растянулась на два с лишним месяца.

Г. ВЛАДИМИРОВА.

СКВОЗЬ ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

Сказать о России нечто совсем новое трудно. Все уже сказано писателями-классиками. Непосредственно или устами героев. Скужающие дворяне, пламенные разношцы, философствующие простодушники в обыденных разговорах или темпераментных обличающих монологах умудрялись бросать реплики, годные на все времена. И если не обращать внимания на то, что слова их адресовались ненавистным собратом по классу или, скажем, ограниченному оппонентам-славянофилам, то можно смело использовать реплики эти в качестве эпиграфов к статьям про нас. Про 90-й год. Про все это. Попробуйте, если не верите. Или поверьте нашему театру, который, ставя русскую классику, обычно ведет разговор самый современный, о самом сегодняшнем, вплоть до новейшей в зубах полтинки.

В чем тут дело? В свойствах ли «завалочной русской души», способной некоторые свои качества пронести через века? В забывчивости ли отношения россияне друг к другу, к государству, ко всему на свете? (И, естественно, в прозорливости писателей, точно подметивших эти — как их называют в школе — «типические черты»). Или дело куда как проще и прозаичнее, и наши театры, стремясь говорить о современности, прибегают к помощи классики и убивают таким образом двух зайцев: с одной стороны, решают проблему отсутствия интересных пьес, с другой — в разговоре это используют тяжелые орудия бессмертных имен — поди возрази Пушкину или Толстому! Остается лишь чуть-чуть подправить текст (и как же без этого в инсценировке!), чуть-чуть расставить акценты — и дело сделано. Особенно просто это теперь, когда на каждом углу ругают страну, правительство, себя самих; ведь почти вся наша литература была в какой-то мере критической и обличительной.

Хорошо ли это, плохо ли — тема отдельного разговора, давнего и бесконечного. Поэтому ответим так: не искали бы иравственной позиции произведения, да был бы спектакль удачным.

Исходя из такой установки работу Орловского драматического театра «Дым» упренуть не в чем. Отличная постановка, названная на одном из фестивалей лучшей в минувшем театральном сезоне России. А то, что Тургенев писал не совсем о том, о чем получился спектакль, — так что ж, об этом он тоже писал.

Роман для современного писателя был неожиданным. Славянофиль и — чуть меньше — западник, радикалы и консерваторы (если по-нынешнему — правые и левые) дружно признали его в штыки. Пожалуй, наиболее точно, со свойственной ему широтой суждений и образностью мысли отношение это выразил Тютчев. В эпиграмме на роман он попрекнул Тургенева в том, что «сам талант все ищет в солнце пятен и смрадным дымом от отечество коптит».

И вот более века спустя авторы постановки (режиссер Б. Голубицкий, инсценировка В. Почепкина) обнаружили отравную точку для нее как раз в том, что так не по духу пришлось Тютчеву. Глядя спектакль, забывшись о «тургеневских душашках», о харизматичном Тургеневе, «деловой реверанс и уступающем в Ваден-Ваден».

Понятие «дружба народов» в сфере общественных отношений становится все более неопределимым. Какую же миссию в таких условиях выполняет театр Дружбы народов? Каково его будущее? Разговор об этом еще предстоит. А пока на его сцене с почти неизменным успехом демонстрируются лучшие спектакли стран, Одни из них — «Дым» И. Тургенева, поставленный в Орловском драмтеатре.

Ваден, а видишь инсценировку произведения, созданного писателем злым, едким, беспощадным. В отдельные моменты даже начинает казаться, что это не Тургенев, нет, а... И неясно мелькает, не успевая зафиксироваться, какое-то другое великое имя.

Видно, ключевым для постановки стало рассуждение Литвинова, прозвучавшее во второй половине романа. «Дым, дым», — повторял он несколько раз, и все вокруг показало ему дымом, все, собственная жизнь, русская жизнь — все модное, особенно все русское. Этот дым болтовни, пустой, никчемной жизни пронизывает все содержание спектакля. Правда, сцену российской жизни возникающую лишь как образ — в начале и в конце. Но при всей его хронологической ограниченности они кажутся более реальными, осязаемыми, конкретными, чем остальное действие, происходящее в Ваден-Вадене. В этом знаменитом курортном городке какое-то все неслыханное, случайное. Обрывки мелодий, разговоров. Временное, как сама курортная жизнь. Как возник. Приехал, подожди и — прощай-прощай. И сцена оформлена стеклянными крышами перерос в популярными в минувшем веке среди любителей целебных вод названиями городов. Жизнь на чмодахах. Между «здесь» и «там».

И даже любовная история героев выглядит какой-то аморфной, расплывчатой. Но не с теми многозначительными недомолвками и романтическими неясностями, что сопутствуют обычно самому прекрасному человеческому чувству, а с неприятным ощущением того, что все не так, что в этой страсти, помимо немногих не обязательных слов, — лишь гулкая пустота.

И уже не удивляешься тому, что в инсценировке романа о любви нет почти ни одной мало-мальски интимной сцены. Режиссерская находка — если на переднем плане двое объясняются друг с другом, то на заднем располагаются остальные герои. Располагаются кто как, без особых удобств, но с общим желанием пона-

блюдать за происходящим — таково свойство псевдо-курортной жизни. Тургенев, постоянно ставившая героев, заставляя их становиться свидетелями событий, крайне нежелательных для постороннего глаза, подчеркнул эту особенность вынужденного существования на замкнутом пространстве, каковым, несомненно, является жизнь русских за границей. Авторы же спектакля интересуют, конечно, не специфические стороны этой жизни. Для них все, что касается нашего Отечества, перемешано, все взаимосвязано, но без всякого принципа, в так, по случаю. Будто одновременно вырываются из клубов дыма на всеобщее обозрение и клуб картинки и речи, одной нелепее другой.

Боже, какой бред несут Сутягиничева, Вацлав и К* — окружение Губарева. Пустословы и фразеры, играющие в радикалов, в сплетнях и домоседах измысливающие предметы для язвительного обличения, эти тургеневские герои, имеющие вполне конкретные прототипы, в спектакле предстают совсем иными. Вот тесной группой окружают они зловещую и корродившую фигуру Губарева, их адвоката и вояду. Выкрикивают какие-то несные, но грозные прощания, поют что-то решительное, революционное. Слово не вокруг никчемного человека стоит, а отправляют на дело Неваева, и финал уже зажат. И кажется, что есть в них какая-то демоническая сила, что-то бесовское. Стоп. Вот и выдано то имя Кочевню, Достоевский, «Восм». Этим именем будто освещен спектакль, будто то-ненький томика Тургенева, прототип вальдшкола после полного собрания сочинений его современника. Оттого классический любовный треугольник и обретает иную суть, наполняется многозначностью смысла. Оттого Ирина, эгоцентричная аристократка с холодным умом, вдруг обнаруживает темные бездны души Настасьи Филипповны, а добрая, всепрощающая, любящая Тани обнаруживает сходство с Аглаей.

Да и образ России, замыкающий спектакль, какой-то темно-желтой, бледной, словно промокшая от дождей проселочная дорога, — разве похож он на тот акуртальный дом в пригороде с женским слуготом в белом платье на балконе, что предстает просветленному взору Литвинова в финале романа? Право, в такой стороне легче живописать мертвый дом, нежели уютное и теплое родное гнездо.

В действии спектакля, непрерывный ход которого решительно и многократно разворачивается воспоминаниями Литвинова, ближе и концы становится все мельче и мельче лоскут. Даже неглубокие речи Пугучина вдруг начинают звучать согласно с темой губаревской компании. Не о том, может, даже о противоположном, но тоже невинно, суетно. А в возвращении Литвинова и Татьяне нет ощущения выхода на незамысловатую житейскую гармонию, нет показаны или обретенные покой. В общей яркой картине финала их встреча кажется прямо-таки потусторонней.

А что же Россия? Ведь что там не говорим, что ни понимаем под словом Отечество: впуск ли гари с родной пеленкой, тутую ли струю из длинной паровой трубы, чертящей путь на родину, дым ли любимых нами разговоров на вечные темы — о правду или сладок и приятен. Но еру в нас и вечное ощущение беспомощности. Перед роком, перед крушением бесами и мелкими. Перед чужим-то замыслами и экспериментами.

А потому за Россию, разве как в нас самих, остается только молиться. И вот герои спектакля «Дым» выйдут на авансцену со свечами в руках, и все — грешные и праведные, либералы и десоты, старые и молодые, все творят молитву о спасении в этом вечном безжалостном мире утраченных иллюзий.

Так, наверное, некогда являлся за Советской молится Родион Раскольников.

Классики умели говорить внятно. Помогались и мы. Сергей БЕДНОВ.

● Сцена из спектакля.

БЛОКНОТ РЕЦЕНЗЕНТА

Гобелен, стекло, фарфор

ВЫСТАВКА В ЗАЛАХ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ СССР

Показ произведений членом-корреспондентом и действительным членом Академии художеств СССР отделения декоративных искусств оказался интересным сопоставлением, сравнением разных видов искусств. Сценография и театральная костюм, живопись и графика, стекло, гобелен и фарфор представлены в соседстве друг с другом, и от этого своеобразно, специфика каждого жанра проявилась ярче, контрастнее.

Декоративные искусства (гобелен, стекло, фарфор) подтвердили свое родство, заимчивое в их изначальном предназначении — созданию эстетически полноценной среды, буднично-общественной интимной или частной быт. Разными средствами — живописными, пластическими, с разной мерой условностей форм, используя символику цвета, декоративность фактур, свето-оптические эффекты, иллюзорные прорывы в пространство, — художники достигают высокого эмоционального накала, исходящего от каждой работы. На этой выставке представляется прекрасная живопись старшего художника декоративно-прикладного искусства К. Рождественского.

Самочувствие стекла Л. и Д. Шушковых давно общепризнано. Их произведения, сохраняя свое функциональное назначение (вазы, кувшины, сосуды), вместе с тем несут в себе общечеловеческую эмоциональную красоту. Это предметы для любования, для радости бытия, они поражают красотой драгоценности фактур, естественное естественное материала, все эти качества заключены в серии их работ «Затуманилась зорьничка», «Воды весенние», «Первый лепесток».

Л. Савельевой рождается из целостного дуэтного созерцания автора, синтетичности мышления. Пространственные связи ствольного объекта и живописных сюжетов («Спаси и сохрани», «Слово», «Вдохновение») выражают идею первоначального слияния человека с миром. Прозрачность и воздух стеклового пространства в композиции с живописью, матовые фактуры и скульптурная выразительность («Спортивный Профиль», «Пушкин») — так по-разному в стекле и фарфоре Савельева находит единственно верный вариант решения. Заметим, что художница удостоена в 1990 году премии Рязно столичного музея в Коринге (США).

В. Муратов работает на одном из старейших стеклозаводов России в городе Гусь-Хрустальный. Создания им в 1966 году «Владимирские кони» стали образным символом Владимирского края. Для заводских традиций создание этой композиции означало развитие фольклорных основ старого русского гутного стекла. Сотни образцов для массового и серийного производства создавал за эти годы художник, многие из которых и сейчас можно видеть на заводском конвейере. В авторских уникальных произведениях Муратова определяющим является эмоционально-политическое прочтение, пластическая и цветовая особенность стекла. Декоративный дар автора расширяется очень разноплановыми образными творениями — «Реквием России», «История», «Экология», «Крик о помощи», «Зеленка».

Со стеклом воспринимаются гобелены Л. Соколовой. Камуфляж на первый взгляд слишком контрастными и неожиданными сочетаниями насыщенного красного с зеленым, синим создают тот высокий накал эмоционального напряжения, который столь характерен для безошибочно узнаваемого почерка автора.

Латышский художник гобелен Г. Хайратс вдохновляется в своем творчестве образами народного искусства. Высокая культура его работ с учетом символистскими тенденциями, любовью к мельчайшим деталям, приверженностью к тщательной, как в европейской шпалере, проработке тончайших нюансов цвета, разнообразия тем и сюжетов характерно для Хайратса как гобелениста маститого художника (гобелены «Грустная народная песня», «В саду», «Предвечерняя пора»).

Н. Славина — творец фарфора. Писские образцы решений, созданных в прошлом времени, основаны у нее на традиционном понимании фарфора как материала исключительного, итерлюдного символистскими тенденциями в воплощении авторской идеи. Многопредметная композиция «Белый цвет» на костяном фарфоре — подлинный гимн природным качествам материала. В сериале «Черная роза», шатулка, чайнички Славина демонстрирует незаурядное мастерство авторской росписи. Рисунок она широко, темпераментно, щедро применяет позолоту, которая вносит ноту торжественности, особого предназначения. Соседа с ним имеют решив сериал «Белые кони», посвященный Ленинграду. Образ города унаследован в строгой эстетической форме предметов прямоугольных очертаний. Сохраненная красота имеет опоры во выразительной яркости классического фарфора.

Л. КАЗАКОВА. ● Н. Славина, «Летящая». ● Л. Шушкова и Д. Шушкова, «Зареве», «Красный», «Уральский самоцвет». ● Л. Соколова, «Гобелен «Сосредоточенность».

Фото Н. Савельевой.

Концертмейстер-авгурат — наш соотечественник...

МОЛОДОСТЬ была самой тяжелой порой моей жизни...

Я и мои сестры увидели свет в Иркутске...

Когда началась репатриация, у меня и в мыслях не было, что я могу не поехать в Советский Союз...

Вспомню, как все ликовало, когда кончилась война...

В 1949 году мы прибыли в США. Первый год в Америке был очень тяжелым...

ба. Мне удалось устроиться аккомпаниатором в балетные школы...

РОЗА ПОНСЕЛЬ была для Америки тем же, чем Нежданова для России...

Она происходила из итальянской семьи — настоящей ее фамилия была Понцилло...

На прослушивании ее нерв был так напряжен, что она упала в обморок...

Вспомню, как все ликовало, когда кончилась война...

«звездой», у нее выработался невероятный страх...

Роза закончила свою карьеру очень рано — ей было около 40 лет...

русская дружба представила меня Розе Понсель. Она послушала мою игру...

Встреча с Розой Понсель была самым счастливым событием в моей жизни...

Знайки и любители вокального искусства очень сокрушались из-за того, что Роза больше не хотела выступать...

Пожалуй, не меньше, чем сами Дебора Войт и Ханс Чой — американские певцы...

ГРАЖДАНИН ОПЕРЫ

стипки — «Роза Понсель поет сегодня и «Роза Понсель Песни»...

ее отпрыгнуть, она оступилась, упала и сломала бедро...

ИМЯ РОЗЫ ПОНСЕЛЬ получила вокальный конкурс...

ма солидное, пошло в помощь молодым певцам...

В отличие от вокального раздела Конкурса имени Чайковского...

«Роза назвала свою виллу «Рассе», что в переводе с итальянского означает «мир»...

член жюри нынешнего Конкурса имени Чайковского...

ОПЕРА на Западе «чувствует» себя по-разному...

В Америке опера, напротив, становится все более демократическим жанром...

Полный театальный сезон в США функционирует только «Метрополитен-опера»...

помещение, и на каждую набирается новый состав...

КОНКУРС имени Чайковского чрезвычайно популярен во всем музыкальном мире...

Основная претензия к советским участникам? Видите ли, они все очень хорошо подкованы технически...

В НАСТОЯЩЕЕ время я живу в Нью-Йорке, куда в конце концов переехал...

Я люблю свою работу, свою маленькую студию, люблю итальянский язык...

Леонид Гольдин, доктор философских наук ПЛАНЕТАРНЫЙ ЗАЛ РОССИЙСКИХ МУЗЫКАНТОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ советского гражданина в большую группу деятелей духовной культуры...

Гарантиями необратимости процессов нравственного оценивания являются не только правовые акты...

В последние годы многие из них побывали на родине, триумфально выступали на сценах...

«Советская культура» постоянно пишет об этом, ставит эти вопросы — делает то, что только и может делать газета...

Сегодня нужно сказать также о принципиально новом событии, не отмеченном, увы, по степени его важности...

В многочисленных контактах с приехавшими в последние годы на родину...

И еще одно важное условие успеха намеченной акции — нужно знать адреса музыкантов или их агентов...

Для конкретности разговора предлагаем вниманию читателей сценарий наметки будущего фильма «Исход»...

На экране фрагменты выступлений Гершвина, Шалляна, Рахманинова, Хейфеца...

Разные пути привели их на Запад. Пусть планета стала их концертной площадкой...

было таких гениальных музыкантов. Само их бытие — оправа нашего разрушительно-го и ценного века...

Нынешние власти уже не думают о музыкантах, какова музыка нужна народу...

тридцатых годов аврамеичи с киномастерами того же времени фашистской Германии...

Сталкиваясь с узаконенными служителями муз (читай) Фрагментами музыкальной жизни СССР...

Соломон Волков, музыкальный критик, друг Шостаковича...

Зарубежные выступления Спизкова, Исмайлова, Алеева, Петрова, Гутмана, Башмита, Третьякова...

Наше убогое, мелодистическое, фальшивое, «Москонтр»...

Академик Д. С. Лихачев. Время собирать... Как это сделать? «Ля Скала», «Карнеги-холл», «Ковент-Гарден»...

Не менее 70 процентов крупнейших музыкантов XX века — выходцы из России...

Зарубежные выступления Спизкова, Исмайлова, Алеева, Петрова, Гутмана, Башмита, Третьякова...

МИР ЗА НЕДЕЛЮ

Эту рубрику ведет обозреватель Геннадий Герасимов

ПРОЩАЙ, ОРУЖИЕ?

МЫ ДОЛГО искали в своих планах из предисловия: «Если завтра война...» и нам неслучайно перейти на мину!

КОНГРЕСС США утвердил военные расходы на 1991 финансовый год в 288 млрд. долларов — с учетом ожидаемой инфляции на 8,5 процента ниже запроса администрации.

На будущей администрации планируют уменьшить численность вооруженных сил на 500 тыс. человек, Конгресс торопит с тылами; по 100 тыс. в год. Несмотря на ситуацию вокруг Кувейта.

КОНСТИТУЦИЯ начало прощания с оружием, следует и сомател в административный процесс. Здесь я упомянул психологический и структурный причины нужды добавить и экономический интерес, иногда сочетающийся с (а иногда прикрываемым) политическим интересом.

ДУМАЮ, довольно странно было бы учредить на московской улице крестьянину в национальном костюме. Сразу бы подумалось о выступлении народного ансамбля, каком-то празднике, который проходит неподалеку.

Надо отдать должное — в Венгрии сохранилось, и не только в музейном зале, много: работают народные мастера и шьют архаичные этно костюмы, собирающие гонимых и провинциальных, ковчегников, ткачей, резчиков по дереву; в поисках народных песен и танцев неутомимо бродит по селам молодежь. И в зарубежных этнобарах о ратных искусстве страны заимает довольно хорошее место.

Сегодня Венгрия переживает нелегкое время, серьезные экономические затруднения. Поэтому и работы о народном искусстве, его сохранении — отнюдь не в числе первоочередных. Как в эти условия живет народный художник, какие происходят в их жизни перемены, что сулит им завтрашний день? Все эти вопросы и определил главное направление моей беседы в совете народного и прикладного искусства, который создан несколько десятилетий назад и призван оценивать произведения мастеров и открывать путь на рынок безвкусицы и китчу.

Председатель совета Йозеф Тот сказал: — Конечно, в прошедшие десятилетия много бережно сохранилось, — говорит он. — Но все-таки, я бы сказал, только то, что было ирригировано и сохранено из политических соображений.

А народ нуждался в большем. Например, в венгерском селе до 1945 года существовало самоуправление, которое осуществляло сельский общественный самоуправление, которое осуществляло церковные самоуправления, общественные организации, которые надзирали, например, за школой. Существовали колхозные агрогосударства.

Ярким, волнующим событием, свидетелем которого я постоянно расширяюсь и укрепляюсь в связи между Советским Союзом и Италией, стала состоявшаяся в посольстве СССР в Риме церемония передачи в дар Советскому государству серебряного серванта, изготовленного в 1873 году в Риме мастером А. Постинковичем. Автор этой инициативы выступил Марко Датрино — известный в Италии антиквар — коллекционер, организатор художественных выставок.

В церемонии приняла участие Р. М. Горбачева. Она сказала: «У нас прекрасный повод для встречи — в Россию после долгих странствий возвращается замечательное творение рук русских мастеров XIX века: серебряный сервант, имеющий большую художественную ценность. Спасибо господину Марко Датрино за его благородный жест — передать Советскому государству часть нашего художественного наследия. Дар займет достойное место в музее Московского Кремля.

ратной художников было не самым лучшим вариантом», — отвечает Йозеф Тот. — Часто они повлаживали на свет под некоторыми административными мажорами. В 50—60-е годы работали все народные мастера работ в кооперативах, а в 70-е начали понемногу уходить. Уходили и уходило настоящее, талантливые художники. Безусловно, отвергать кооперативы нельзя, их нужно сохранять, но подходить к их деятельности с точки зрения только рентабельности ошибочно.

Я познакомилась со статистикой. Оказалось, что в прошлом году кооперативы и волонтеры художники реализовали продукции на равные суммы.

С этим нельзя не согласиться. Правда, тогда острее встал вопрос о социальной защищенности художника. Приходилось слышать мнение, что рыночный механизм может даже помочь народным мастерам в решении ряда их проблем.

С этим нельзя не согласиться. Правда, тогда острее встал вопрос о социальной защищенности художника. Приходилось слышать мнение, что рыночный механизм может даже помочь народным мастерам в решении ряда их проблем.

СССР. Однако наш связи не ограничиваются бизнесом. Мы всегда стремимся вносить вклад в развитие гуманитарного, культурного сотрудничества между нашими странами.

СССР. Однако наш связи не ограничиваются бизнесом. Мы всегда стремимся вносить вклад в развитие гуманитарного, культурного сотрудничества между нашими странами.

НА ПРОВОДЕ — БУДАПЕШТ

ДА НЕ ПЕРЕСОХНЕТ РОДНИК!

третичка — и душа народа, и его чувства. Что только через самоуправление люди могут реализовать свои способности. И инициатива должна исходить от них, а не сверху.

Дар Италии

«Народы Италии и Советского Союза сближают традиционные культурные связи, которые крепнут с каждым годом», — сказала в свою очередь М. Датрино. — Особенно бурно этот процесс развивается в последние годы, что стало возможным благодаря перестройке в Советском Союзе, изменившей облик Европы и всего мира.

ЛИКИ ПАРИЖА

Париж всегда разный. При всех своих контрастах, порой шокирующих, город этот — один из самых прекрасных и удивительных в мире.

Обаятельный страж порядка.

В мастерской Элианы Сербраковой. Ее дети — Екатерина Борисовна и Александр Борисович Сербраковы.

Российский казак — владелец ночного бара.

Писатель, горящий на набережной собственным камином.

ИЗ ДНЕВНИКА ЗАЛОЖНИКА

ЕСТЬ ЛЮДИ, способные шутить в любых ситуациях. К ним относится и Джан Мариа Бенини, один из директоров итальянской фирмы «Даннелли» — это фирма продает Ираку оборудование для производства боеприпасов.

развешают официальные делегации, и потому здесь все — даже лифты — состоит на службе у разведки. Итик, Бенини сидит у административной гостиницы.

С тех пор Бенини, длинный и худой, как большой гусь, ходит взад и вперед по роскошной колу. Встречаясь с ним, дежурный секретный агент каинджера почитательно кланяется, с улыбкой сообщает:

являются сотрудниками самых разных фирм — Энн, Ансельдо, Фони и другие, которые занимаются переработкой нефти, производят различные электробоорудования, строят электростанции.

«ЗДЕСЬ ВОЗДУХ МОЖНО»

Хотя война пока не началась, но уже тяжело страдает мирное население в Ираке и Кувейте. И тысячи ни в чем не повинных иностранцев — специалистов из разных стран мира. Тревога за судьбы заложников побуждает экономически развитые страны ковать в Багдаде, после чего части иностранных граждан было разрешено выехать на родину.

размеров. На первый взгляд может показаться, что он не совсем в своем уме, этот гениальный инженер, знаток плевомостом. Арбы платят ему огромные деньги — ведь без Галессо невозможно иракские нефтепровода и станции по переработке черного золота.

то, что происходит сейчас, может быть, даже хуже, — говорят они. — Сознавая, что каждую минуту могут войти солдаты, взять тебя под руки и увести без тебя куда, не объясняя ничего, не дав ни минуты, чтобы попрощаться, не разрешено ничего взять. По сравнению с этим бомбежки, под которыми мы работали, — смех да и только.

«ЗВЕЗДЫ» МИРОВОГО КИНО

РОМАН ПОЛАНСКИЙ СНИМАЕТ РЖАВЧИНУ

Густой ночной воздух полон тайн. По улице бежит молодая особа в вечернем мхик. Ее преследует некто, непонятно — с хорошими или плохими намерениями... Так начинается новый фильм Романа Поланского, который длится всего тридцать секунд. Потому что это — рекламный ролик. Он призван оповестить всех о выходе европейского издания американского журнала «Венити Фэ».

Директор издания итальянец Паоло Петронни решил: уж если делать рекламу, то по высшей категории, и пригласил одну из самых удивительных пар современного кинематографа — режиссера Романа Поланского и его новую молодую жену Эммануэль Сигнер.

«Я считаю, что похожие люди неизбежно найдут друг друга», — говорит Петронни. Все периодические издания, собственником которых он является, выдержаны в «железном» жанре — тайны, преступления, погоня, убийства. А все потому, объясняет итальянец, что в возрасте от пяти до десяти лет он жил в Парме, его любимая тетюшка работала билетершей в кинотеатре и пропускала пламя загаром смотреть по несколько раз подряд самые ужасные и завлекательные ленты.

Это и определило, во-первых, любовь к детективному жанру, во-вторых, встречу с Поланским. В результате какой-то родился не только рекламный ролик «Венити Фэ», но и новый еженедельник «только для мужчин», который назвали «Мистер». «Скрытый точно по образу и подобию Поланского», — утверждает издатель.

Итальянский журнал «Панорама», учитывая новое амплу знаменитого режиссера, решил обратиться к нему с несколькими вопросами.

— Как случилось, что вы обратились в коммерческую веру и занялись рекламой?

— Хотите, чтобы я ответил вам, что, дескать, все великие режиссеры... и я тоже... или вам нужна правда?

— Правда. — Хорошо, тогда придется начать издавать, то есть с восьмидесяти годов. Я тогда работал в театре. У меня был друг, который занимался рекламой и который, как завпранская сирена, старался соблазнить и меня, пространным и восторженно рассказывал о том, какие творческие возможности предоставляет реклама художнику. Сначала я слушал его вполуха. Однако в то время был занят только спектаклем «Амадеус», следовательно, работал лишь вечерами, и у меня было много свободного времени. Вот и решил попробовать. Мне предло- жили создать рекламу для продукта отнюдь не «позорно-

го: речь шла о рафинированной, изысканной газете — «Мари Клер». Я принял предложение скорее из любопытства. Однако, когда работа была окончена, поклялся, что никогда уже не попадусь на подобную удочку.

— Почему? — Меня обманули. Заверили, что рекламный ролик — это такая же работа, только короткая. На самом же деле ничего похожего. Прежде все- го съёмочная группа. Я привык работать со своими, мы давно работаем вместе, мы друзья. А там я никого не знал. Потом техническая сторона... Для меня снимать фильм — это значит переключать происходящее на съёмочной площадке. Такое умение способствует моим творческим способностям. А в тот раз все было предопределено. — Были и еще варианты? — Да, через несколько лет. Ни фирма, ни посредни-

ки не вмешивались. Мне дали карт-бланш. И сложнейшую историю я свел к самому простому варианту. И вот что получилось: стоящий спиной и зрительно мускулистый человек упругим усилием мышц поднимает над головой сверкающий сосуд — точную копию флякона мужских духов «Анти» фирмы «Шанель». Хороший ролик, мне нечего стыдиться этой работы. Но он снова укрепил меня в одной мысли.

— В какой же? — Когда мои знаменитые коллеги разлагаются от о том, что, дескать, реклама предоставляет широкое поле для экспериментов, они говорят неправду и знают это заранее. Есть единственное объяснение, почему всемирно известный режиссер соглашается работать на рекламу: за короткое время он может получить кучу денег. Все остальное — пустые разговоры.

— Не очень-то достойная презентация нового ролика. — О нет, на этот раз все было иначе. Прежде всего мне нужно было создать рекламу для товара изысканного — не для стирального порошка. Потом этот журнал поместил во всю обложку фото Эммануэль, а внутри — большой фоторепортаж, посвященный ей же. Словом, мы были непосредственно заинтересованы в этом издании. И потом, на этот раз я действительно попытался снять фильм «La Polanski», хотя и на тридцать секунд экранного времени.

— Стало быть, не ради денег, а во имя любви... — Вообще-то, откровенно говоря, я согласился еще и потому, что в данный момент я свободен и буквально сижу сложа руки. Жду, пока можно будет приступить к съемкам моего нового фильма. К сожалению, сегодня в кино все

— Так выговорили о вашем будущем фильме...

— В основу его будет положен роман «Мари Ралли» Валери Мартина. Роман мне прислала в декабре кинокомпания «Уорнер бразерс», и он мне так понравился, что уже через месяц и закончила работу над сценарием. Рекордное время, потому что обычно написать сценарий по литературному произведению для меня — настоящая мука. А после работы «Фрэнтин» я дал себе слово вообще больше этим не заниматься. Так вот. Мою новую картину уже сейчас можно назвать «искусным фильмом» — ведь все знают, как мне нравится жезл. Все в новой ленте будет показано через восприятие главной героини — Мари Ралли. Естественно, ее будет играть моя жена Эммануэль.

Мари служит горничной. Наблюдая за своим хозяином, постепенно приходит и к выводу, что он живет двойной жизнью. В обитает все это похоче на историю доктора Дженна и мистера Хайда, но увиденную и рассказанную горничной. Этот ее способ-

ны американцы, а это значит, что деньги будут, но будет и масса проблем. Потому что в Штатах, к сожалению, считают, что для успеха фильма вовсе не достаточно хорошего сценария, хорошего режиссера и молодой актрисы. Они составили список из пяти известных актеров-мужчин, которые могут сыграть главную роль, и вот теперь мы ждем, пока выяснится, кто из них свободен и может принять предложение. Вот он, этот список: Майкл Дуглас, Джек Николсон, Кевин Костнер, Мэл Гибсон, Шон Коннери.

— А почему вы не стали продлевать «Десять вольной недели»? — Мне не нравится снимать продолжения, хотя сама идея привлекательна: сделать эротический фильм. О, я вообще не актриса. За свою жизнь обменялась телом несколькими мужчинами, даже в начале моей карьеры, когда не было принято доказывать это на экране. Сегодня же без эротических сцен обойтись вообще невозможно, а вот оставить при этом актеров одетыми — интересно.

— Вы — один из немногих известных режиссеров, которые не боятся браться за какалосы бы, «эротические», комедийные, приключенческие, комедии.

— Я люблю от кино. Мне нравятся любые жанры, так же, как мне нравятся женщины любых типов — блондинки, брюнетки, шатенки, рыжие. Много лет я жду, чтобы мне предложили снять мюзикл, я поработал бы и над мюзиклом.

— Тогда скажите, на что никогда не согласился бы Роман Поланский? — Никогда не стану повара, — одним из тех несчастных, которые проводят долгие часы среди кастрюль, а когда приходит время обеда, не могут есть из-за отсутствия аппетита. А вот в кино мне нравится все — теория и практика, процесс съемки и монтаж.

— У вас есть завзятая мечта?

— Да. Хочу поработать над Ричардом III. — В кино или в театре? — В театре. В кино это уже было — об этом позаботился Лоуренс Оливье. И потому, в Шекспира на экране веришь с трудом. Нет, над «Ричардом III» я хотел бы поработать в театре. Это не просто мечта — я уже получил предложение. Вот уж настоя-

— Вы говорите, что вы никогда не согласились бы... — Публикация подготовлена Л. БОРИСЕНКО. Фото из журнала «Панорама».

КЛУБ ПУТЕШЕСТВИЙ «СК»

Перед отъездом сказали в редакции: «Знаешь, в Лондон? Напиши, естественно!» Писать в это... несколько неестественно. Но после недели, проведенной в великом городе, будучи связанным объективными целями командировки, написать об этом маловероятно, аскетично, ясно и метфорично — истинные характеристики профессионала. Полагаю, что даже великие эссеисты не рискнули бы судить о Лондоне за считанные дни. Но сей город действительно многолик, необъятен и совершенно непохожий. Он развился по своим историческим и социальным законам, чья гордость быльши Францию или Голландию, он не особенно страшился нападений, не отгораживался от мира крепостными стенами, впрямую не обнял, а несколькими историческими центрами, был всегда (и поныне) современным и сего боя традиции.

В БРИТАНСКОЙ метрополиси достопримечательностей, вероятно, больше, чем в любой европейской столице. Многовековая история, положение главного города крупнейшей империи мира, отступившей войн на собственной территории с XVII века наполнили и Сити, и Теузл, и Вестминстер, и даже промышленный Ист-Энд музеями, архитектурными шедеврами, дворцами, дворцовыми ансамблями. Почти ни в краткий срок человеку, даже не связанному с обязательным условием высказывать походы на заседаниях, очевидно, невозможно.

Тогда отправляетесь к главной достопримечательности Лондона — его реке. Я думаю, что у англичан имеется священное отношение и естественно текущей воде вообще, му а уж и Темза, пожалуй, особенно. Во всяком случае сохранился замечательный исторический анекдот. И, находившись в вичич распрям с Сити, пригрозил однажды перенести пребывание своего двора из Лондона в другой город. Лорд-мар ему ответил, что сомневает о таком желании монарха. Но надеется, что король не забрет с собою Темзу. А коли так, город с болей помощью переживет королевскую немилость... Милостью Темзы город стал Большим Лондоном.

А также — жизнью музеев на воде и рядом с нею. И эта сторона существования Темзы весьма поучительна. Когда повзрослел первый корабль-музей! Не этот вопрос сложно ответить. Петр I указал сохранить свой любимый линейный корабль «Исмеральда» венскому. Его сборач не удалась. И затем помыслили не удавалось. На нашей памяти ни разу. Не удалось спасти для потомства славный манарский «Ермак», легендарный «Седов», уважаемый океанологам всего мира «Витязь». Три года назад торжественно поднимали подлинную «Аврору» в новом, сверкающем микротом. У нас на воде кое в каких городах остались послеповенные учебные баркентины, превращенные в питейные заведения с морским колоритом.

У англичан они, разумеется, тоже имеются. У набережной Виктории отшвартована «Юни Мерн». Старый «пассажир» уже украсил по случаю приближающегося рождества алкой. Но смысл кораблей из прошлого в другом.

Они связывают воедино поколения незарной нитью глубокого уважения к трудящимся ушедших людей, пафосу мимущих эпох, их многообразиям, в том числе и техничским, достижениям. Эти корабли зовут, как говорили в старину, новинки в путь, тулл, за горизонт. Нам удалось увидеть в Гринвиче клипер «Катт Саркс». В нескольких десятках метров от этого знаменитого парусника — яхта Ф. Честера «Диптис Мотсон» конвоев крейсер «Блэфаст». Вечную стоянку на Темзе обрел корабль Роберта Скотта «Дискаверн». Очевидно, нет смысла описывать эти суда. Каждому из них посвящены многие страницы и популярных, и научных изданий. Ван-

Течет река Темза...

нее отметить другое. Они памятники-символы, и им, к счастью, обеспечено должное отношение.

Подлинность, реальная задействованность стержня механизма, готовность выступить в поход — принципы, которые вдовольно реставраторов исторических судов. И для нас, пожалуй, самое интересное и поучительное не то, что знаменитый клипер развезал на полных курсах до двадцати узлов, а то, как он был найден и восстановлен. Уже 18 лет в Великобритании существует общество, которое поставило себе целью сохранение подлинности знаменитого парусника. Есть также общество «Грейт Брити», возрождающее в прежнем блеске знаменитый период, спроектированный инженером И. К. Брунелем, чья творения

порезали воображение самого Жюль Верна.

Что примечательно: восстанавливается все как было, по старым подлинным чертежам, с применением соответствующих технологий и материалов. И никому не приходит в голову заманить «аподотопную» клежку современной сварки — поскольку она... современнее... Стоя на палубе «Катт Саркс», вспоминаешь и деревянную обшивку корпуса «Авроры». Один из биографов крейсера № 1 нашего флота отметил: «В целях снижения потерь скорости крейсера из-за обрастания подводной части корпуса она была обшита деревом и медными листами... Поверх дерева на густо прибиты мелкой бумагой, выкройкой прибивали медными гвоздями листы

мадной обшивки толщиной 1 мм. Масса медной обшивки с гвоздями составляла 27,06 т... Бывали бы подобная спецификация существовала в отношении «Блэфаста», то не сомневался, что 27,06 т меди были бы немалым и кабыт поперек смолной бумажки. Ибо то, как бы это ни странно было отечественным изобретением, требую веские принципы: непозволительно увязки к прошлому, стремление продвигать как можно дальше в будущее славы прошлое. Оно цементрует жизнь народа, вооружает его дух в годичии испытаниях.

ВНОВЬ на Темзе, у египетского обелиска из красного гранита. Знаменитый «Йгга Клеопатры», созданная в 1500 году до нашей эры.

Примерно отсюда Клод Моне писал реку и Вестминстер.

Выставка полотен великого импрессиониста демонстрируется в эти дни сравнительно недалеко отсюда, на Пикадилли, в здании Королевской Акаде-

мии художеств. Она пользуется популярностью. Очередь заполняет парадный двор Берлингтон-гауза, где размещается академия, задолго до открытия дверей. В экспозиции известные живописные циклы, посвященные Сене, стогам, цветущим лугам, Руанскому собору... Есть ли смысл говорить о том, что такое Моне? Разумеется, нет. О нем, вероятно, все сказано. И выставка эта, замечательная сама по себе, побуждает порассуждать на темы, сопутствующие искусству. А именно — о коммерции, о предпринимчивости тех, кто занимается организацией экспозиций, созданием музеев самого различного профиля, торговых антиквариев.

Итак, мы покидаем экспозицию. И попадаем в обширные залы, занятые выставкой «искусствотворчеством», как мы выразились по привычке, творчеством великого французца.

Эксплуатируется он многосторонне, коллективно и с выдумкой.

Взглянем на витрины. Ну, разумеется, каталоги, буклеты, пламы экспозиции. И их хватает на всех. Естественно присутствуют брошюры, книги, небольшие и малые альбомы о художнике, его времени, импрессионизме вообще. Импрессионизм в Англии. Издания рассчитаны на юношескую аудиторию, среднюю и на солидную.

Репродуцированы в своей гамме: от почтовой открытки до плаката.

А далее идет почти неограниченный нашему сознанию изыск. Карандаши, ручки, фломастеры, наборы красок, пастели — все осаживает факсимиле мастера. Полнотеловые сумки парализованы раздельными мажками кисти Моне. А монет быть, вам напомнит о часах, проведенных на выставке, кутла в мерде морчанской рыбачки! Женщины в таких мердах встречали живописца Клод. А что это такое? Судя по всему — кофетки. Матные ленточки, что ли? Странноватый. Наконец доходит. Они изготовлены по рецепту живописца Моне — голубоватые, розоватые, они мерцают травмами на лугах, вибрирующими с теплом воздуха стогами.

Профанация искусства! Когда-то мы судили о подобных явлениях именно так. Глобальнее «языков от бизнеса». Ничего стоит более внимательно и взвешенно подходить к маркетингу такого рода. Он многообразен и сложен, ни занимается специализацией, отнюдь не унывая высотою искусства. Скорее, наоборот, особенно, если иметь в виду, что «картина» часть доходов от этих торговлей, но крайне попадает в кассу музеев и выставочных залов.

Нам, конечно, рано говорить о столь масштабном торговом обеспечении наших экспозиций, как в случае с выставкой Моне, но помнить о коммерческих ошкбах, допущенных на рынке искусства, должно. Ведь они носят подчас легендарно-анекдотический характер. Мы облапошивали сами себя, открыли предпринимчивым дельцам записки крупнейшего лондонского и московского торговца, не помня цены вышки своего...

Следует опять же идти на выучку. Специалисты маркетинга этого рода у нас практически нет. Как нет соответствующих каталогов, методических пособий и рекламных изданий. И наша реальная деятельность этого рода и впрямь вызывает желание отступить торговлю не только дефицитом ассортимента, но прежде всего отсутствием дальних идей и предположений.

Вернемся в Лондон. И если удалось собрать часть предоступных источников, стоит взглянуть в витрины Британского музея, Национальной галереи, Национального морского музея... И вы увидите качественную глянцевую отливку египетского или греческого оригинала, копию портянковой вазы, отлиты с авторской доски, а то и просто павет великолепно отпечатанные открытки... Прощай, Лондон!

Олег ИВАНОВ. Рис. автор.

БЫТЬ ИСКРЕННИМ ПЕРЕД ВСЕМИ

РАНО утром — телефонный звонок. Симонов — из больницы...

Я знал, что Симонову не свойственно то милое времепрепровождение, которое простирано именуется «точить лысы».

И помчался на Воробьевы горы, в неприступную и громоподобную крепость начальственной больницы...

Вакхер — старик с орденным на старом френче — вежливо преградил мне путь: посещение с трех часов.

Симонов заговорщицки прикрыл дверь своей палаты: — Есть вчерашнее сообщение: меня будут резать.

Я лепетал все те утешительные слова, которые полагаются в беседе с больным другом, но Симонов только трудно улыбнулся:

В углу палаты громоподобно тяжеле заронные палки. Оказывается, он систематизировал рукописи, письма.

Много наворотил за жизнь! Он брал папки, перелистывал рукописи, читал некоторые страницы.

Он всегда был не слишком открытым человеком. Но во всяком случае не скрытым.

Не знаю, был ли я первым слушателем книги «Глазами человека моего поколения».

Он несколько раз повторил, что книга — для внуков, не менее того.

Он всегда был не слишком открытым человеком. Но во всяком случае не скрытым.

И поражаюсь точности и остроте его памяти, мне становились понятными иные события нашей юности.

И вот остались родным и близким рукописи исповедия и завещание — как поступить с пеплом.

И некоторые критики (среди них и те, кто при жизни одаривал его своими нескромными похвалами) теперь иронизируют.

Вспоминаю далекое и опасное время. Симонов узнал, что один литератор имеет библиотеку.

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

Симонов выслушал меня молча, а потом сзади грустно и холодно, что, если хватит ему времени, напишет статью и об этой нашей разнице.

Мне показалось, что напрасно Симонов цитирует стихи Твардовского, Берггольц и Исаковского.

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

Симонов выслушал меня молча, а потом сзади грустно и холодно, что, если хватит ему времени, напишет статью и об этой нашей разнице.

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

Симонов выслушал меня молча, а потом сзади грустно и холодно, что, если хватит ему времени, напишет статью и об этой нашей разнице.

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

Симонов выслушал меня молча, а потом сзади грустно и холодно, что, если хватит ему времени, напишет статью и об этой нашей разнице.

Константину Симонову исполнилось бы в эти дни 75 лет. Уже более десяти лет его нет с нами. Без него завершился выход одиннадцатитомного собрания сочинений.

Фото Евг. Халдеа.

«Ну перестать, ну это не по-мужски, ты будешь еще долго жить».

И вот остались родным и близким рукописи исповедия и завещание — как поступить с пеплом.

И некоторые критики (среди них и те, кто при жизни одаривал его своими нескромными похвалами) теперь иронизируют.

Вспоминаю далекое и опасное время. Симонов узнал, что один литератор имеет библиотеку.

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

Симонов выслушал меня молча, а потом сзади грустно и холодно, что, если хватит ему времени, напишет статью и об этой нашей разнице.

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

Симонов выслушал меня молча, а потом сзади грустно и холодно, что, если хватит ему времени, напишет статью и об этой нашей разнице.

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

Симонов выслушал меня молча, а потом сзади грустно и холодно, что, если хватит ему времени, напишет статью и об этой нашей разнице.

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

Симонов выслушал меня молча, а потом сзади грустно и холодно, что, если хватит ему времени, напишет статью и об этой нашей разнице.

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

Симонов выслушал меня молча, а потом сзади грустно и холодно, что, если хватит ему времени, напишет статью и об этой нашей разнице.

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

Симонов выслушал меня молча, а потом сзади грустно и холодно, что, если хватит ему времени, напишет статью и об этой нашей разнице.

манна» любимого (а Бунин он очень любил) писателя.

В конце 60-х годов, точнее — в 1968-м Симонов сам вызвался стать председателем комиссии по литературному наследию Осипа Мандельштама.

«Я имел несколько разговоров с Буниним, из которых выяснилось, что он, во-первых, ждет о своем резком письме, адресованном в Гослитиздат, и во-вторых, что, по его словам, это письмо было написано им горяча и в жару, во время тяжелой болезни».

Так это или не так (мне лично кажется, что это так и было), во всяком случае из всех разговоров с Буниним я сделал несомненный вывод, что он крайне вольнолюбив и идею о возможности издания некоторых его вещей у нас и очень хочет этого.

Вопрос о возвращении Бунина на Родину — вопрос сложный, но мне кажется разрешимый в положительную сторону.

Мало что в 50—60-е годы оказывало открытую поддержку такой категории людей, как эмигранты.

Держу в руках книгу писем Симонова, никогда не публиковавшихся (он всегда оставлял копии)...

В 1971 году, то есть 20 лет назад, Симонов занял председательство в комиссии по литературному наследию Михаила Булгакова.

Осень 1956 года. Неправедная гроза бушеет над Владимиром Дудинцевым, над его романом «И хлеб единым».

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

Симонов выслушал меня молча, а потом сзади грустно и холодно, что, если хватит ему времени, напишет статью и об этой нашей разнице.

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

Симонов выслушал меня молча, а потом сзади грустно и холодно, что, если хватит ему времени, напишет статью и об этой нашей разнице.

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

Симонов выслушал меня молча, а потом сзади грустно и холодно, что, если хватит ему времени, напишет статью и об этой нашей разнице.

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

Симонов выслушал меня молча, а потом сзади грустно и холодно, что, если хватит ему времени, напишет статью и об этой нашей разнице.

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

Симонов выслушал меня молча, а потом сзади грустно и холодно, что, если хватит ему времени, напишет статью и об этой нашей разнице.

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

Симонов выслушал меня молча, а потом сзади грустно и холодно, что, если хватит ему времени, напишет статью и об этой нашей разнице.

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

«Не хлебом единым» — смелое произведение, резко бичующее недостатки в жизни нашего общества и полное веры в наше светлое будущее, в силу нашего общества».

Фразеология соответственная, но позиция твердая и бескомпромиссная. Считаю пометешную стенограмму того совещания.

Время непростое, страсти бушуют. Смахиваясь со всех концов страны, педагоги атакуют писателя, впервые показавшего им вельмож, литературным начальником.

Конечно, они спрашивают, что он думает о Сталине, как оценивает стихотворение 1941 года «Суровая годовщина», начинающееся строкой «Тонариц Сталин, слышь ли ты нас».

«После того, что я узнал теперь о Сталине, после того, что я узнал о многих вещах, связанных с его именем, которые невозможно ни забыть, ни простить, — я не хочу больше перепечатывать это стихотворение».

К. М. с молодыми лет оказался у руководства Союзом писателей и это свое положение старался использовать во благо литературы, хотя далеко не всегда это оказывалось легко и просто.

В спорах в разные времена он не прятал своей точки зрения, нравилось это или не нравилось «начальству».

Да, он занимал высокое положение — и как депутат, и как человек, входивший в руководящие структуры партии, и просто как знаменитость, послушным исполнителем директив он не был.

«Подумаю наедине с самим собой, пришел к выводу, что я как писатель сейчас не имею морального права обращаться с призывами или давать советы чехословацким писателям.

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

Симонов выслушал меня молча, а потом сзади грустно и холодно, что, если хватит ему времени, напишет статью и об этой нашей разнице.

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

Симонов выслушал меня молча, а потом сзади грустно и холодно, что, если хватит ему времени, напишет статью и об этой нашей разнице.

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

Симонов выслушал меня молча, а потом сзади грустно и холодно, что, если хватит ему времени, напишет статью и об этой нашей разнице.

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

Симонов выслушал меня молча, а потом сзади грустно и холодно, что, если хватит ему времени, напишет статью и об этой нашей разнице.

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

Симонов выслушал меня молча, а потом сзади грустно и холодно, что, если хватит ему времени, напишет статью и об этой нашей разнице.

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

Симонов выслушал меня молча, а потом сзади грустно и холодно, что, если хватит ему времени, напишет статью и об этой нашей разнице.

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

«И хлебом единым» — смелое произведение, резко бичующее недостатки в жизни нашего общества и полное веры в наше светлое будущее, в силу нашего общества».

Фразеология соответственная, но позиция твердая и бескомпромиссная. Считаю пометешную стенограмму того совещания.

Время непростое, страсти бушуют. Смахиваясь со всех концов страны, педагоги атакуют писателя, впервые показавшего им вельмож, литературным начальником.

Конечно, они спрашивают, что он думает о Сталине, как оценивает стихотворение 1941 года «Суровая годовщина», начинающееся строкой «Тонариц Сталин, слышь ли ты нас».

«После того, что я узнал теперь о Сталине, после того, что я узнал о многих вещах, связанных с его именем, которые невозможно ни забыть, ни простить, — я не хочу больше перепечатывать это стихотворение».

К. М. с молодыми лет оказался у руководства Союзом писателей и это свое положение старался использовать во благо литературы, хотя далеко не всегда это оказывалось легко и просто.

В спорах в разные времена он не прятал своей точки зрения, нравилось это или не нравилось «начальству».

Да, он занимал высокое положение — и как депутат, и как человек, входивший в руководящие структуры партии, и просто как знаменитость, послушным исполнителем директив он не был.

«Подумаю наедине с самим собой, пришел к выводу, что я как писатель сейчас не имею морального права обращаться с призывами или давать советы чехословацким писателям.

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

Симонов выслушал меня молча, а потом сзади грустно и холодно, что, если хватит ему времени, напишет статью и об этой нашей разнице.

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

Симонов выслушал меня молча, а потом сзади грустно и холодно, что, если хватит ему времени, напишет статью и об этой нашей разнице.

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

Симонов выслушал меня молча, а потом сзади грустно и холодно, что, если хватит ему времени, напишет статью и об этой нашей разнице.

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

Симонов выслушал меня молча, а потом сзади грустно и холодно, что, если хватит ему времени, напишет статью и об этой нашей разнице.

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

Симонов выслушал меня молча, а потом сзади грустно и холодно, что, если хватит ему времени, напишет статью и об этой нашей разнице.

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

Симонов выслушал меня молча, а потом сзади грустно и холодно, что, если хватит ему времени, напишет статью и об этой нашей разнице.

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

имеет право занять достойное место в истории отечественной литературы. В интересном виде возвращаясь от Симонова издалека к его рукописи и книге.

Его поведение во время наплыва борьбы с космополитизмом осталось как пятно на его биографии.

Говорил резко, твердо, смел в глаза залу. И было это в 1965 году, достаточно давно и весьма рано, когда почти никто не говорил о раскаянии.

В последние свои годы Александр Твардовский сблизился с Симоновым. Как верный товарищ Симонов много сделал, чтобы оградить Твардовского от покушений на него конъюнктурщиков.

Я подхожу и полкам с книгами наших современников и вижу, сколько писателей — живых и уже ушедших — обязаны Симонову своим пребыванием в литературе.

«После того, что я узнал теперь о Сталине, после того, что я узнал о многих вещах, связанных с его именем, которые невозможно ни забыть, ни простить, — я не хочу больше перепечатывать это стихотворение».

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

Симонов выслушал меня молча, а потом сзади грустно и холодно, что, если хватит ему времени, напишет статью и об этой нашей разнице.

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

Симонов выслушал меня молча, а потом сзади грустно и холодно, что, если хватит ему времени, напишет статью и об этой нашей разнице.

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

Симонов выслушал меня молча, а потом сзади грустно и холодно, что, если хватит ему времени, напишет статью и об этой нашей разнице.

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

Симонов выслушал меня молча, а потом сзади грустно и холодно, что, если хватит ему времени, напишет статью и об этой нашей разнице.

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

Симонов выслушал меня молча, а потом сзади грустно и холодно, что, если хватит ему времени, напишет статью и об этой нашей разнице.

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

Симонов выслушал меня молча, а потом сзади грустно и холодно, что, если хватит ему времени, напишет статью и об этой нашей разнице.

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

Симонов выслушал меня молча, а потом сзади грустно и холодно, что, если хватит ему времени, напишет статью и об этой нашей разнице.

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

Симонов выслушал меня молча, а потом сзади грустно и холодно, что, если хватит ему времени, напишет статью и об этой нашей разнице.

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

Симонов выслушал меня молча, а потом сзади грустно и холодно, что, если хватит ему времени, напишет статью и об этой нашей разнице.

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

Симонов выслушал меня молча, а потом сзади грустно и холодно, что, если хватит ему времени, напишет статью и об этой нашей разнице.

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

Симонов выслушал меня молча, а потом сзади грустно и холодно, что, если хватит ему времени, напишет статью и об этой нашей разнице.

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

Симонов выслушал меня молча, а потом сзади грустно и холодно, что, если хватит ему времени, напишет статью и об этой нашей разнице.

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

Симонов выслушал меня молча, а потом сзади грустно и холодно, что, если хватит ему времени, напишет статью и об этой нашей разнице.

ТРУДНОЕ ВРЕМЯ СТЕПАНОВОЙ

Ангелина Иосифовна Степанова впервые вышла на сцену Художественного театра осенью 1924 года в роли княжны Истиславны в «Торе Федора Ивановича» А. Толстого.

Ей было двадцатидевять лет. Молодую актрису заметили сразу. Последовали роли, принесшие ей огромный успех: блистательная Мерзет в «Богородице» и ослепительная Бетси в «Тарасе Бульбине».

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

Симонов выслушал меня молча, а потом сзади грустно и холодно, что, если хватит ему времени, напишет статью и об этой нашей разнице.

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

Симонов выслушал меня молча, а потом сзади грустно и холодно, что, если хватит ему времени, напишет статью и об этой нашей разнице.

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

спектакле Немировича-Данченко. Степанова обладала тончайшим слухом и развлекательным великим режиссером, может быть, потому ее Ирина была сыграна с особой драматической силой.

Через радость первого акта, через усталость и тоску второго и третьего она пришла к «Благодати». Эти три спектакля Немирович-Данченко определили очень сложное состояние души, включая в него высокий душевный настрой, мужество и светлую веру во что-то прекрасное для тех, кто будет жить после нас.

Осенью 1920-го Ангелина Иосифовна выходит на сцену МХАТа имени А. П. Чехова, чтобы сыграть госпожу Пернель в мольтеровском «Тарнофе» и мать Выборова в «Серебряной свадьбе» А. Миняева.

Из тех, с кем она начинала, не осталось почти никого. В последние годы возникла ситуация, которую Художественный театр не знал да и, по-видимому, не считал возможной: разделены труппы.

Конечно, в Москве оказалось два МХАТа. Концом старому Художественному театру пришел конец, но начав разваливаться после смерти Немировича-Данченко. Но его мечта была долгими года волновала зрителей, испытывавших трепет, когда они входили в тесноватые, тамбовские коридоры здания в проезде Художественного театра.

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

Симонов выслушал меня молча, а потом сзади грустно и холодно, что, если хватит ему времени, напишет статью и об этой нашей разнице.

Тогда, в мае 1956-го, очень любима была Ольга Леонардовна Кинлибер-Чезова писала ей: «Что сказать тебе? Надо пережить и это со всем твоим мужеством, со всей твоей жизненной силой».

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

Симонов выслушал меня молча, а потом сзади грустно и холодно, что, если хватит ему времени, напишет статью и об этой нашей разнице.

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

Симонов выслушал меня молча, а потом сзади грустно и холодно, что, если хватит ему времени, напишет статью и об этой нашей разнице.

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

Симонов выслушал меня молча, а потом сзади грустно и холодно, что, если хватит ему времени, напишет статью и об этой нашей разнице.

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

Симонов выслушал меня молча, а потом сзади грустно и холодно, что, если хватит ему времени, напишет статью и об этой нашей разнице.

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

Симонов выслушал меня молча, а потом сзади грустно и холодно, что, если хватит ему времени, напишет статью и об этой нашей разнице.

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами человека моего поколения» подверглась резкой критике на страницах журнала «Новый мир».

Симонов выслушал меня молча, а потом сзади грустно и холодно, что, если хватит ему времени, напишет статью и об этой нашей разнице.

Сейчас я хочу сказать, что он расстраивал правильно. Книга «Глазами

